

Эдуард Тополь

Красный газ

«Эдуард Тополь»

1984

Тополь Э. В.

Красный газ / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь», 1984

ISBN 978-5-17-043168-7

Жестокие убийства потрясли заполярный городок и вот-вот приведут к срыву «события века» – пуска газопровода «Сибирь – Западная Европа». Местная милиция убеждена, что происшедшее – дело рук заключенных, сбежавших из лагеря строгого режима. Однако только что прибывший в Уренгой молодой следователь Анна Ковина, которой поручено это дело, приходит к совершенно иным выводам. Неужели заполярные убийства – лишь первые звенья цепи хорошо продуманных диверсий? Но тогда... кому выгодны эти диверсии?

ISBN 978-5-17-043168-7

© Тополь Э. В., 1984
© Эдуард Тополь, 1984

Содержание

Часть первая	5
Вместо предисловия	5
1	7
2	9
3	12
4	14
5	16
6	20
7	24
8	25
9	26
10	28
11	31
12	33
13	34
14	37
15	38
16	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эдуард Тополь

Красный газ

Посвящаю Сарре Дворкиной – моей матери, чья могила осталась в СССР, и Сарре Адель Тополь – моей дочери, которая родилась, когда я писал последние страницы этой книги.

«И облетела нашу землю трехгранная стрела со знаком к восстанию, и все должны идти на битву: и богатырь, и простой человек...»

Из ненецкой баллады

В своей прошлой, советской, жизни я так часто ездил и летал в журналистские командировки на Крайний Север СССР, что не только реальные прототипы этого романа, но даже вкус брусники под сахаром – редкого лакомства, которое можно найти в советских ресторанах только выше Полярного круга, – черт возьми, все это живет в моих снах, не тонет...

Поэтому считаю, что все события и все персонажи этого романа мне просто приснились, а совпадения с реальной действительностью, вплоть до строительства газопровода «Сибирь – Западная Европа», являются лишь ночным кошмаром.

Автор

Часть первая

Три трупа за полярным кругом

Вместо предисловия

ИЗ РАДИОГРАММЫ

Следователю Уренгойского
уголовного розыска
старшему лейтенанту милиции
Анне Ковиной

...Возле вахтового поселка Яку-Тур ненцами-рыбаками обнаружен труп начальника экспедиции сейсморазведки Виталия Воропаева со следами изуверской расправы... Одновременно в Салехарде, у речной пристани, рыбаками обнаружен труп главврача Салехардской окружной больницы Олега Хотько, обезображенный аналогичным образом... География убийств совпадает с вероятным путем побега заключенных из лагеря № РС-549...

Из правительственной телеграммы
Первому секретарю
Ямало-Ненецкого
окружного комитета КПСС

...Цепь убийств, совершенных заключенными, бежавшими из лагеря № РС-549, грозит безопасности торжественного открытия газопровода «Сибирь – Западная Европа». Срочно примите необходимые меры...

1

Они бежали из лагеря в ночь с 6 на 7 декабря 1983 года, когда в полярной тундре разыгрался очередной буран. Никто так и не узнал точного времени их побега. Вероятно, они постарались выбраться из лагерной зоны еще до полуночи, чтобы к утру уйти от лагеря подальше. Во всяком случае, именно этой ночью, когда на полярном Севере космический мрак накрыл полуостров Ямал, а девятибалльный ветер вздыбил заворот снежной пыли над вечной мерзлотой тундры, когда не только на смотровой караульной вышке, но и на земле не устоишь под ледяной секущей пургой и никакие овчинные полушубки не помогают – ветер прохватывает насквозь, как голого, забивает дыхание и режет глаза и прожекторы не пробивают пургу дальше полуметра, – именно в такую ночь трое зеков бесшумно покинули свой барак.

Выйти из барака под храп трех сотен заключенных, спящих на грубых деревянных нарах, – небольшое дело: вохра не охраняет каждый лагерный барак в отдельности, а несет вахту лишь на караульных вышках вдоль лагерного забора. И заключенные нередко выходят из бараков посреди ночи, чтобы добежать до нужника – эдакого дощатого скворечника, поднятого над вечной мерзлотой на четырех бревенчатых столбиках.

В хорошую тихую погоду солдатам на вышках видно, кто из какого барака выскочил и добежал куда положено или решил справить свои дела прямо на протоптанной в снегу тропе. Таких нарушителей солдаты ради баловства ослепляют прожекторами с вышек, а наутро проштрафившийся зек может схлопотать в карцер от начальника лагерного режима: в лагере, даже за Полярным кругом, должна быть чистота.

Но во время бурана никакие прожекторы не пробивают куролесицу снега. Трое зеков вышли из барака, миновали нужник. В тридцати метрах от них был лагерный забор с витками колючей проволоки по гребню. По этой проволоке шел ток высокого напряжения, и, значит, малейшее прикосновение было равносильно смерти. Но зеки не собирались прикасаться к проволоке. Наоборот, они двинулись в сторону от лагерного забора – к торчащей посреди лагерной зоны металлической вышке – опоре высоковольтной линии.

Эта линия – одна из десятков линий, покрывших ямальскую тундру за последние годы, – обеспечивает электроэнергией бурение целого куста газовых скважин.

Помогая друг другу, зеки взобрались на вышку. Конечно, буран мог в любую секунду сорвать смельчаков, и сквозь вой ветра никто бы даже не услышал их последнего крика. Но они взобрались на эту вышку, торчащую посреди лагеря, а затем... Затем в кромешной мгле, под секущим ветром зеки на двадцатиметровой высоте выползли на крыло вышки, набросили на толстый высоковольтный провод деревянные X-образные катушки-ролики с продетой в горле катушки металлической скобой и, держась за эту скобу, укатили, буквально по воздуху укатили из лагеря – над колючей проволокой лагерного забора, в двух метрах от караульной вышки!

Их хватились наутро, если можно считать утром все ту же полярную ночь, черную и ослепленную неутихающим бураном. Короче, их недосчитались в 6.30 утра при разводе на работу, когда охрана лагеря передавала зеков поштучно наружному караулу. Конечно, была дана боевая тревога. По этой тревоге был поднят весь наличный состав вохры. Но особой паники не было: начальник лагерной охраны осетин Оруджев был знаменит тем, что за двенадцать лет его службы в караульных войсках ни один беглый зек не ушел от него и не вернулся в лагерь живым. Наоборот, вместо паники Оруджев – бравый, с широко развернутой грудью майор – и отборный отряд вохровцев – отличников караульной службы испытали даже прилив вдохновения.

Во-первых, как-никак, а погоня за беглыми – большое развлечение в их однообразной солдатской жизни. А во-вторых, за каждого беглого зека, доставленного в лагерь живым или мертвым, членам поисковой группы положен десятидневный отпуск домой. Поэтому целая

рота солдат и сержантов с разыскными собаками тут же азартно ринулась в погоню за беглецами.

Несмотря на буран, овчарки довольно быстро нашли у соседней, за территорией лагеря, опорной вышки высоковольтной линии брошенные беглецами деревянные ролики со скобами, и так стало ясно, каким способом зеки совершили побег.

Но, кроме этих роликов, собаки ничего не нашли: ветер смел следы беглецов, вместе со снегом разметал и унес от тундровского наста их запах.

Через пять часов единоборства с бураном, который зверел с каждым часом, собаки в кровь исцарапали лапы о жесткий ледяной наст тундры, выдохлись, или, как говорят между собой криминалисты, «сдохли». А майор Оруджев сорвал голос и исчерпал свой богатый запас русских и родных осетинских ругательств. Восемь солдат отморозили себе ноги, девятнадцать – щеки и прочие малозащищенные места...

Только после этого в Уренгой – центр самого крупного в мире заполярного месторождения газа и отправной пункт газопровода «Сибирь – Западная Европа» – поступили две идентичные радиограммы.

Одна – в местное управление КГБ, вторая – к нам, в Уренгойский уголовный розыск.

В ночь с 6 на 7 декабря из лагеря № РС-549 совершили побег трое заключенных: уголовники Залоев и Шиманский и политический – Толмачев. Буран уничтожил следы беглых. Необходимо вмешательство поисковых вертолетов и усиленное патрулирование салехардской железной дороги.

Начальник лагеря

№ РС-549 Швырев

Начальник охраны лагеря Оруджев

2

Но ни 7, ни 8 декабря не могло быть и речи о поисках беглых с помощью вертолетов: буран озверел до 16 баллов, мороз упал ниже 40 градусов по Цельсию.

Заместитель начальника Уренгойского управления КГБ майор Громов прикатил на вездеходе к нам в уголовный розыск.

По случаю предстоящего ровно через десять дней торжественного открытия в Уренгое транссибирского газопровода «Сибирь – Западная Европа» мы, следователи угро, как и все служащие Уренгоя, наводили порядок в своем учреждении: красили полы и белили стены.

Сорокалетний, франтоватый, с умными карими глазами Громов, ни с кем не поздоровавшись, стремительно прошел по коридору, по настеленным на пол старым газетам – прямо в кабинет нашего начальника майора Зотова. При этом он, конечно, не оббил при входе снег со своих хромовых сапог, и на полу остались мокрые следы.

Визит КГБ в уголовный розыск не был делом необычным: наш Зотов – старый полярный волк и один из самых опытных криминалистов Сибири. О чем Зотов и Громов говорили в кабинете, мы, рядовые следователи, конечно, не слышали, так как продолжали белить стены, замазывать старую буро-коричневую покраску, но минут через десять Громов вышел от Зотова. Он выглядел успокоенным и уже явно никуда не спешил.

– Привет ударникам малярной кисти! – И Громов наградил пристальным мужским взглядом меня и нашу машинистку Катюшу. – Здравствуйте, Анечка, – сказал он мне фамильярно, хотя за четыре года моей работы в Уренгое я, кажется, ни разу не дала ему повод к такому вот приятельскому обращению. Вообще отношения между нами, милицией, и КГБ весьма сложные, соперничающие. Они считают себя элитой, белой костью и голубой кровью государственной безопасности, их оклады и пайки куда выше наших, но мы-то хорошо знаем, что именно мы, милиция, делаем всю основную будничную и самую грязную работу по охране порядка в стране. Особенно в Сибири, в ямальской тундре, куда на разработку газовых месторождений и монтаж газопровода «Сибирь – Западная Европа» правительство мобилизовало за последние годы больше миллиона рабочих: сварщиков, монтажников, шоферни и зеков – и куда вместе с этим потоком сами собой, в погоне за длинным северным рублем потянулись со всей страны бичи, спекулянты, проститутки и прочий уголовный элемент. Пьянки и поножовщина в ресторанах и рабочих общежитиях, убийства на почве ревности, мордобой со смертельным исходом на танцплощадках, браконьерство в тайге, групповые изнасилования в состоянии алкогольного опьянения и без него, а также наркотики, скрытый сифилис, проституция, спекуляция мехами и фруктами – вот та навозная куча криминала, которую нам приходится разгребать тут изо дня в день и к чему не прикасаются, конечно, белоручки из КГБ...

Но наверно, то, что по случаю побелки я была одета не в свой офицерский китель старшего лейтенанта милиции, а в заляпанную краской спецовку, позволило Громову не только назвать меня «Анечкой», но и смазать мою фигуру пристально-оценивающим мужским взглядом. Уж не знаю, по какой – пяти- или десятибалльной системе майор Громов оценивает женщин, но, похоже, даже в заляпанной краской спецовке я получила далеко не плохую оценку. Он подошел ко мне и сказал:

– Я слышал несколько хороших отзывов о вашей работе. После открытия газопровода у нас будет новогодняя конференция отличников КГБ. Приходите, я пришлю вам приглашение...

Конечно, все, кто был в этот момент в коридоре, замерли и замолкли, глядя, как легко и просто майор КГБ кадрит следователя уголовного розыска Анну Ковину. А я, кажется, покраснела, что бывает со мной крайне редко.

– Спасибо, – сказала я. – На Новый год я дежурю в поселке Монтажник. Там наверняка будет несколько драк с поножовщиной и прочие радости. Приходите туда, без приглашения...

Наши отвернулись с улыбками, кто-то не выдержал и расхохотался, машинистка Катя испуганно захлопала накрашенными сверх меры ресницами.

Но Громов оказался на высоте – он рассмеялся громче всех, и в его умных карих глазах вспыхнул азартный огонек.

– Принято! Я приду! – сказал он и насмешливо козырнул мне, даже щелкнул каблуками своих хромовых сапог. – Разрешите идти?

– Вольно. Идите, – улыbnулась я. Все-таки этот сукин сын выжал из меня улыбку!..

Позже, во время обеденного перерыва, когда мы все, следователи, собрались в общей комнате и разложили, по обыкновению, на общем столе принесенные из дому бутерброды, а Катя водрузила на самовар огромный пузатый заварной чайник, разговор зашел о беглых зеках.

Слушая, как гудит на улице буран, раскачивая на столбах электрические фонари и швыряя в окна сухим морозным снегом, кто-то балагурил:

– Собственно, беглые на то и рассчитывали: буран заметет их следы, а вертолеты в буран не поднимешь. И пока мы тут будем чай гонять, они пройдут по тундре до Салехарда, сядут где-нибудь на ходу в поезд и тю-тю – на материк, в Россию...

– Держу пари, что эти два уголовника взяли с собой политического Толмачева только как «поросенка»... – сказал еще кто-то. В переводе с нашего профессионального жаргона на нормальный язык это означало, что два беглых уголовника взяли с собой в компанию третьего на случай, если заблудятся в тундре, останутся без еды...

– Только одна у них промашка вышла, – произнес старик Зотов, растирая свое левое колено самодельной смесью оподельдока, тигровой мази и чистого питьевого спирта. Это колено ноет у Зотова во время бурана, и по этому случаю Зотов при любой непогоде носит специальные меховые брюки-галифе с молнией вместо бокового шва. Расстегнув эту молнию почти до бедра, Зотов в любом обществе вынимает из кармана бутылочку со своей самодельной мазью и без всякого стеснения принимается растирать колено. – У этих зеков не было ни метеосводки, ни моего колена. То есть пройти по тундре 140 километров от лагеря до железной дороги в нормальную погоду можно, даже «поросенок» не нужен. И обмануть милицейские заслоны на железной дороге тоже можно. Но! Они ушли в побег при 18 градусах мороза и девятибалльном ветре, не зная, что сегодня буран озверевает до 16 баллов и мороз будет сорок! А к ночи стукнет все пятьдесят, я коленом чую, оно у меня лучше любого барометра. Я бы на их месте сам вернулся в лагерь, пока не поздно...

Мы не хуже Зотова понимали, что означает для беглых усиление бурана. Местные нормы приравнивают каждый балл ветра к двум градусам мороза. Таким образом, если к сорока градусам мороза прибавить тридцать два «ветренных», семидесятиградусный мороз не может выдержать в открытой тундре ни один нормальный человек. Во всяком случае, при морозе ниже 50 актируются, то есть останавливаются, в тундре все работы, кроме, конечно, бурильных... Даже ненцы, коренное население заполярного Ямала, попав в такой буран, останавливают свои собачьи и олени упряжки и ложатся в снег, окружают себя живым собачьим и оленьим теплом и просят духов тундры и бога вселенной Нума побыстрее наместить на них снежный сугроб...

Но у беглых зеков не было ни собак, ни оленей, ни теплой одежды. А самое главное, они не могли себе позволить переждать буран в каком-нибудь сугробе. Наверняка именно об этом сказал Зотов Громову, потому Громов и вышел успокоенным из зотовского кабинета.

– Они, конечно, шагали через буран. Люди вообще всегда переоценивают свои силы, особенно – в начале пути. А беглые зеки – тем более, – сказал нам старик Зотов. – Ладно, кончится буран – вертолеты найдут трупы, это не в первый раз. Только сводку нам подгадили, сволочи... – заключил он, имея в виду, что три замерзших трупа никак не украсят нашу пред-

праздничную сводку-рапорт о резком снижении преступности накануне такого знаменательного события, как торжественное открытие транссибирского газопровода.

К 17 декабря на это открытие прилетит из Москвы правительственная делегация во главе чуть ли не с самим Андроповым и еще сотня почетных гостей и иностранных журналистов. В связи с этим на строительстве газопровода шла бешеная предпусковая гонка. По всему краю: в Салехарде, Сургуте, Тарко-Сале, Надыме и Медвежьем, где запасы газа хоть и поменьше уренгойских, но тоже исчисляются миллиардами кубометров, – шел строительный аврал. А центр всех событий, наш Уренгой, украшался, как невеста накануне свадьбы: красочные плакаты, лозунги и транспаранты закрывали окна таких старых домов, как наш угрозыск, новые дощатые мостовые укрывали колдобины на дорогах, в центре города выросла новая гостиница «Полярная», у здания городского комитета партии заканчивалось сооружение правительственной трибуны, а московский архитектор, возглавляющий всю эту работу, додумался залить город не только электрическим и неоновым светом, но и... бенгальскими огнями! Чтобы в момент пуска газопровода, когда на правительственной трибуне «простой» рабочий, Герой Социалистического Труда, знаменитый сварщик труб Борис Дуник и первооткрыватель сибирской нефти и заполярного газа, лауреат Ленинской премии, геолог Расим Салахов вдвоем – символ единства труда и науки – крутанут вентиль, открывающий ямальскому газу путь от Уренгойской компрессорной станции во Францию, Германию и другие европейские страны, чтобы именно в этот момент на всех таежных соснах вокруг Уренгоя вспыхнули огни гигантского фейерверка!

Конечно, перед этим торжеством из Уренгоя и других центров добычи ямальского газа, по которым проедут правительственная делегация и иностранные журналисты, мы убрали не только лагеря заключенных, но, как когда-то в Москве, накануне Олимпиады, выселили из города всех (или почти всех) алкашей, бичей, проституток, лиц с уголовной судимостью и прочий ненадежный элемент. В городе стало настолько тихо, что местный вытрезвитель временно переоборудовали в общественную баню, а мы, следователи угро, получили такую передышку, что даже выкроили время побелить свое учреждение...

Побег трех зеков портил нам, конечно, квартальную сводку достижений по охране порядка на Ямальском полуострове, но никто не мог предположить, что этот побег станет роковым в судьбе всего транссибирского газопровода.

3

Буран утих 9 декабря, утром. Он завалил Уренгой снегом так, что мальчишки на санках съезжали на улицу из окон вторых этажей. Все население города высыпало на улицы с деревянными лопатами в руках – откапывать снег от подъездов, расчищать мостовые и тротуары.

Я шла на работу, проваливаясь в снегу по колено, а иногда и по пояс. Я жила в общежитии молодых специалистов-одиночек всего в семи кварталах от нашего управления, но первые пять кварталов я шла больше получаса. Лампы на фонарных столбах можно было достать рукой. Кто-то, пользуясь случаем, даже украсил их старыми детскими куклами. Все те же мальчишки, наверно...

Но центр города, площадь перед горкомом партии и несколько прилегающих кварталов были расчищены машинами, и только возле нашего управления милиции трудились «пятнадцатисуточники» – рабочие, получившие пятнадцать суток за мелкое хулиганство или нарушение общественного порядка в пьяном состоянии. Эти лениво размахивали лопатами, расчищая дорожку ко входу в управление, – им спешить было некуда...

А мне было куда – сегодня я была дежурным по управлению следователем и уже опаздывала на работу на двенадцать минут. И едва я, запыхавшись, вошла в управление, оббила снег с валенок и повесила на вешалку меховой полушубок, как Катя, наша машинистка, шепнула мне:

– Быстрее к Зотову. Он тебя ждет.

Я оправила китель и постучала в дверь его кабинета – сейчас будет небольшой разнос за опоздание.

– Товарищ майор! Следователь Ковина, разрешите войти? – сказала я как можно веселей, чтобы обезоружить старика своим бодрым тоном и бравым видом.

– Вот что, Ковина, – сказал Зотов. – Ты все кричишь, что я тебе живого дела не даю, на «бытовке» держу. Вот тебе живое дело. Полетишь в лагерь № РС-549, снимешь показания с караула и соседей беглых по бараку.

– Когда это я кричала, товарищ майор? – сказала я обиженно. – Я не базарная баба, чтобы кричать...

– Ну ладно, ладно... – отмахнулся Зотов.

– Нет, подождите! Мне, конечно, обидно, что вы мне, как женщине, не доверяете облавы на браконьеров в тайге или засады в «малинах» на настоящих преступников, а держите только на «бытовке» – скандалы в рабочих общагах да изъятия наркотиков и антисоветчины. Всякие там солженицины, авторхановы и зиновьевы. Ленинградские студенты, у которых я Солженицина нашла, меня даже «уренгойской овчаркой» прозвали...

– Ну вот, завелась, – вздохнул Зотов. – Овчарка – это породистый ранг, гордиться должна...

– Но я никогда не кричала и не жаловалась, – перебила я, – потому что это и в самом деле обидно: вот уже пятый год я пашу тут эту «чернуху» – черновую работу, даже до майора Громова дошли слухи о моих успехах. Хотя, конечно, это несправедливо: как только какое-нибудь «горячее» дело, так вы назначаете на расследование не меня, а мужчину...

– Вот я и даю тебе «горячее» дело – поедешь в лагерь № РС-549...

– Какое же оно «горячее»? – усмехнулась я. – Мороженые трупы искать!

– Я тебя посылаю не трупы искать, – сказал Зотов. – Трупы без тебя найдут в тундре вертолетчики. А ты в лагере пошуруй. Может, у беглых сообщники были. И заодно возьмешь у Швырева и Оруджева три-четыре мешка осетрины, они тебе загрузят в вертолет на обратном пути. Они эту осетрину у ненецких рыбаков на спирт выменивают. Жаться они не будут, сама понимаешь – не тот случай. Но я им еще звякну по рации...

Я улыбнулась саркастически. Вот почему Зотов выбрал меня для этой командировки! Я единственный холостяк, а точнее, холостячка, в нашем управлении. Это значит, что из всей осетрины, которую загрузят мне в вертолет в лагере № РС-549, Зотов выдаст мне одну-две рыбины, а вся остальная осетрина достанется ему, и только ему. А пошли в эту командировку кого-нибудь из семейных следователей, так тому придется отдать целый мешок осетрины – для жены, для детей. А что начальство лагеря № РС-549 загрузит в вертолет столько рыбы, сколько я скажу, – в этом нет сомнения. У них произошел групповой побег, и теперь от нас, от угро, зависит, уменьшить или не уменьшить их ответственность за это ЧП.

И все-таки я этой командировке обрадовалась. Конечно, составлять в лагере «Акт о нарушении мер по охране заключенных» – не бог весть какая «живая» работа, но, с другой стороны, это не стены белить к приезду высокого московского начальства и не студенческие чемоданы шмонать, в которых неизвестно что найдешь: индийские презервативы с «усиками» («А вы, товарищ следователь, пробовали? Потрясающе возбуждает!»), гашиш, опиум или импортную марихуану («А вы, товарищ следователь, курили? В постели это полный кайф!..») или очередной западный детектив с антисоветским душком («А вы, товарищ следователь, читали? Нужно все-таки знать, что о нас наши враги пишут!»)...

Короче, 9 декабря, в полдень, когда расчистили дорогу от Уренгоя до аэропорта, водитель – старшина милиции Крылов, а попросту «дядя Коля», отвез меня на дежурной оперативной «Волге» в уренгойский аэропорт. Там вертолетчики уже откопали свои «Ми-8» от снега, я пересела в один из этих вертолетов, и мы полетели на северо-запад, в лагерь № РС-549. Огромная луна освещала тундру. От сорокаградусного мороза все туловище вертолета заиндевело еще на земле, и только во время полета, от вибрации, эта короста инея отпала, обнажив ярко-красную окраску корпуса «Ми-8» – масть полярной авиации.

Сразу за Уренгоем открылась величественная панорама газового месторождения: сотни буровых вышек, гигантская и словно инопланетная конструкция головной компрессорной станции – целый завод по очистке, охлаждению и конденсации газа, который мы построили вопреки всем американским эмбарго на роторную и электронную технику. Вокруг этой станции серебрились огромные емкости газонакопителей, переплетения нитей десятков газопроводов, подстанций, заправочные, временные склады труб и скопление всякой прочей техники на взрыхленной гусеничными вездеходами тундре. В разных концах этой панорамы вспыхивали огни электро- и газосварки, копошились тягачи и бульдозеры, сновали начальственные «Волги», «газики» и бронетранспортеры-вездеходы – буран отнял у стройки три дня, но открытие газопровода должно быть 17-го, кровь из носу, московское начальство ждать не любит: рассказали, что Европа получит наш сибирский газ к Новому году – значит, получит!

– Красиво, б...! Как на Марсе! – крикнул мне вертолетчик и поднял вертолет повыше, чтобы одним взглядом охватить эту действительно марсианскую картину.

4

Километров через пятнадцать – двадцать нити газопроводов стали разбегаться в разные стороны тундры, а сама тундра побелела – чем дальше, тем белей и безжизненней, с пятнами гнилой желтизны в редких блюдцах промерзших болот и синими ледяными излучками замерзших тундровых речушек. Порой на окраине этого голого снежного блюда возникали контуры какого-нибудь поселка нефтяников, вышка бурильного станка, конусы чумов ненецкого стойбища, заиндеветый шнурок нити газопровода или бегущие по тундре олени нарты ненцев.

Но скоро исчезли и последние признаки цивилизации: мы летели на северо-запад, в глубь еще неосвоенной тундры. И только теперь, с воздуха, можно было убедиться, на какое безумие решились беглые зеки – пешком пересечь это нечеловечески мертвое пространство, это бесконечное во все стороны горизонта дикое нагромождение ледяных торосов и снега. Даже в моем рюкзаке, в той бутылке водки, которую я прихватила с собой в командировку, вода и спирт «сепаратнулись», и в двухстах примерно граммах чистого спирта плавал теперь матовый кусок обычного льда. То есть температура тут упала еще ниже, за сорок. А каково человеку при таком морозе, да еще в буран, да еще в его ветхой, казенной зековской телогрейке и кирзовых ботинках? Конечно, они замерзли – как пить дать...

Часа через два впереди по курсу возникло белое поле замерзшей Обской губы, а потом, километров через двадцать, – лагерь № РС-549: обнесенные колючей проволокой прямоугольники серых, наспех отремонтированных лагерных бараков. Как и лагеря на Ямале, лагерь № РС-549 с месяц назад откочевал подальше от маршрута почетных и иностранных гостей торжественного открытия газопровода, и никто не стал, конечно, строить тут новый лагерь, а быстро подлатали старый, тридцатилетней давности, сталинский.

Через лагерь и дальше на северо-восток шагали с юга злосчастные мачты высоковольтной линии электропередачи, в двух километрах от лагеря была видна рабочая зона – на берегу замерзшей тундровой речушки зеки ломками долбили лунки в звонкой, как металл, вечной мерзлоте. Сверху их темные, в лагерных телогрейках, фигуры казались стадом овец, рассыпанным по тундре и окруженным кострами пастухов с собаками – вохрой. На первый взгляд это могло показаться идиотизмом – зачем заставлять людей калечиться на сорокаградусном морозе, долбить вечную мерзлоту? Лом со звоном отскакивает ото льда, брызги льда бьют в лицо. Даже в тихие, безветренные дни человек изнемогает от такой работы в полчаса. Но никакого идиотизма в работе зеков нет. Лунки, которые они долбят в вечной мерзлоте, – это шурфы вскрытия верхнего пласта тундры, следом за зеками сюда придут взрывники, заложат в шурфы взрывчатку, взорвут верхний слой тундры и откроют подо льдом слой песка и гравия – ценного строительного материала.

Конечно, шум о том, что мы используем зеков на строительстве газопровода, – чистая западная брехня. Кто же подпустит зека к нитке газопровода, кто доверит зеку сварить трубы?! Но подсобные работы, такие как добыча песка и гравия, рубка просек, сооружение причалов, укладка лежневок в болотах и так далее и тому подобное, – эти каторжные работы как раз для зеков...

Вертолет прошел над рабочей зоной, приблизился к пустому лагерю. На шум подлетающего вертолета из КПП зоны выскочили солдаты и начальник охраны лагеря майор Оруджев. Вертолет сел рядом с ними, высадил меня и тут же ушел на юго-запад искать трупы беглых зеков. Там, на юго-западе, в Салехарде, начиналась железная дорога, и только туда могли уйти беглые.

А я занялась рутинной – личные дела бежавших, допрос солдат лагерной охраны, которые дежурили в ночь побега. В своем кабинете майор Оруджев достал из сейфа три серые, перевязанные шнурами толстые папки – личные дела сбежавших. Я открыла папки и несколько

минут рассматривала стандартные тюремные фотографии беглых. Рецидивист с тремя судимостями за 217 краж со взломом татарин Тимур Залоев – хмурое скуластое лицо, узкие глаза... Спекулянт предметами русской старины и поддельщик икон Глеб Шиманский – 40-летний, высокий, с холеным лицом, но упрямым подбородком. И курносый, светлоглазый двадцатилетний «политический» – Борис Толмачев – совсем мальчишка.

Я выписала в блокнот адреса их родственников, чтобы послать им служебные извещения. Если хотят, могут приехать за трупами, которые сегодня-завтра будут найдены вертолетчиками. И перешла к допросам лагерной охраны. Главное, что я хотела выяснить, – откуда взялись эти деревянные катушки-ролики, с помощью которых беглые по линии электропередачи перемахнули через ограду. Эти ролики Оруджев тоже достал из сейфа. Они были явно самодельные, выточенные в виде буквы «х», как катушки, и сквозь дыры в этих «катушках» были продеты гнутые стальные скобы на манер металлических поручней в метро. Может быть, кто-нибудь передал эти ролики в зону? Или переслал в посылке?

– Да какой там передал-переслал?! – возмутился майор Оруджев. – Разве мы посылки не проверяем? Они сделали эти ролики сами, в зоне. У нас тут механическая мастерская есть, в лагере. Электропилы «Дружба» ремонтируем и всякий инструмент для работы. Борис Толмачев в этой мастерской токарем работал. Он и выточил эти ролики...

Я пошла в мастерскую. Зыбкая дощатая времянка без отопления, в щели задувает тундровый ветер, станки стоят прямо на мерзлоте, на досках, а всякое железо, деревянные бруски и какие-то детали валяются на полу, что, конечно, является нарушением инструкции. Из таких брусков Толмачев и выточил ролики для побега – себе же на погибель. И самое примечательное было то, что именно над его, Толмачева, токарным станком висел стандартный тюремный лозунг:

«НА СВОБОДУ – С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ!»

Из мастерской майор Оруджев, который тенью ходил за мной якобы по долгу службы, а на самом деле потому, что меховые брюки увеличивали мою задницу до размеров, нестерпимых для его осетинского темперамента, повел меня через зону в офицерскую столовую на обед. Проходя мимо злосчастной мачты-опоры высоковольтной линии, он в сердцах пнул ногой по основанию вышки и сказал зло:

– Худя Вэнокан во всем виноват, паскуда ненецкая!

Я удивленно взглянула на майора. Худя Вэнокан был следователем уголовного розыска в Салехарде. Как он, единственный в крае ненец-следователь, может быть виноват в побеге трех зеков из этого лагеря?

5

Я знала Худю Вэнокана. Я была на пятом курсе юридического факультета МГУ, когда весь университет облетела легенда о том, что какой-то простой ненец-оленеvod с побережья Ледовитого океана чуть ли не на оленях, но, во всяком случае, в оленьей малице¹ вместо пальто прикатил в Москву и поступил к нам на юридический факультет. Сам! Не вне конкурса, не по брони Ямало-Ненецкого национального округа и не по благу, конечно, – откуда благу у заполярного ненца! – а по общему конкурсу! «Еще один самоубийца», – подумала я тогда, потому что за четыре года моей учебы в МГУ у нас было девять случаев самоубийств студентов из Заполярья: чукчей, эвенков, ненцев и хантов. Они, эти эскимосы и эскимоски, не выдерживают стресса большого города и – что поразительно – кончают жизнь одним и тем же способом: выбрасываются из окон высотного общежития на Ленинских горах. «Еще один самоубийца», – подумала я, когда услышала историю поступления в МГУ этого «дикого вундеркинда». И забыла о нем, конечно. Но через несколько дней в студенческой столовке я обратила внимание, что на меня постоянно пялится какой-то скуластый и узкоглазый парень – не то японец, не то кореец. Ну, иностранцев у нас – пол-университета, но западные иностранцы на нашем юрфаке не учатся – на кой им черт изучать советское право, если у них там совсем другие юридические законы. Короче, этот парень оказался не корейцем и не японцем, а Худей Вэноканом, «вундеркиндом с Ямала». О том, что он вторился в меня, скоро узнала вся моя группа, а потом и весь наш курс: Худя торчал в студенческой столовке именно тогда, когда у нашего курса был обеденный перерыв или окно между лекциями. Он сидел обычно в дальнем углу, пил чай – пять, шесть, десять стаканов, – потел в своем новом мешковатом костюме советского производства и ждал моего появления. Тогда на пятом курсе мне было 22 года, и, говоря без скромности, я была в порядке: голубоглазая блондинка с косой до пояса и с фигурой Анук Эме, валютная девочка. Во всяком случае, когда я шла по улице, не было такого, чтобы к тротуару рядом со мной не причаляли «Лада» или «Волга» и хозяин машины – какой-нибудь 30–40-летний киношник или фотограф – не предложил составить ему компанию в Дом кино на закрытый просмотр западного фильма.

Но когда вы заканчиваете последний курс юридического факультета, у вас нет времени для романов или даже для короткого флирта. И мне было плевать на то, что какой-то там заполярный ненец, выучив наизусть расписание нашей группы, поджидает меня, потея от чая, в столовой и пялится на меня, пока я наспех глотаю жидкие студенческие щи или жесткую, как подошва, котлету. Но очень скоро он перенес свой дозорный пункт из столовой в библиотеку, и вот это меня уже взбесило. Я не могла зубрить советское право или конспектировать «Основы уголовного законодательства», когда на меня в упор смотрели из-за соседнего стола узкие серые глаза этого ненца. А вы смогли бы? Правда, стоило мне поднять на него взгляд, как он тут же опускал глаза к своей книге, но только на время, пока я на него смотрела. А потом он опять рассматривал меня в упор. Наконец я не выдержала. Я встала и подошла к нему. Он, конечно, уже не смотрел на меня, он делал вид, что читает «О „двойном“ подчинении и законности», В.И. Ленин, 33-й том. Я подошла к нему и сказала: «Слушай! В чем дело?» Вся библиотека повернулась в нашу сторону, и все смотрели на меня, все, кроме него. Он, этот ненец, сидел, опустив глаза на том Ленина, словно глухой. Только его короткая шея багровела над воротником его москвошвеевского костюма. Тогда я выхватила этот 33-й том

¹ Малица – верхняя одежда ненцев, имеющая покрой просторной, до колен, одевающейся через голову рубахи. Шьется из оленьих шкур шерстью внутрь. К рукавам пришиваются рукавицы. Иногда малицу украшают узорами из шкурок молодых оленей.

Ленина у него из-под глаз, шмякнула этим томом по его столу и повторила: «Ну? Ты долго будешь пялиться на меня?»

Самое поразительное, что он даже не вздрогнул от этого удара, не пошевелился и так и не поднял на меня глаза. Я стояла над ним как дура, ожидая ответа, а он сидел, замерев, глядя в стол. Я повернулась и ушла из библиотеки.

На другой день его не было ни в столовой, ни в читальном зале. И на третий – тоже. И на четвертый. Потом мне кто-то сказал, что его уже четыре дня нет ни на лекциях, ни в общежитии и что декан уже заявил о его исчезновении в милицию. Я, правду сказать, струхнула, решив, что еще, чего доброго, этот ненец тоже покончил жизнь самоубийством. И ходила сама не своя. А через два дня милиция случайно нашла этого Худю в лесу за Измайловским парком. Он в своей оленьей малице спал там прямо на земле, под сосной.

Когда мужчина из-за вас шесть дней спит в лесу на голой земле, то, даже если этот мужчина – ненец, вы не проходите мимо этого факта просто так, как ни в чем не бывало. А уж тем более – ваши друзья и приятели. Конечно, никто мне ничего не говорил, но все смотрели на меня так, как смотрят на хирурга, который во время операции аппендицита вырезал больному весь желудок. Короче, когда милиция привезла этого Худю из леса в общагу, я собралась с духом и пошла в мужскую зону нашего общежития.

Любопытно, что знаменитая примета Москвы – небоскреб студенческого общежития МГУ на Ленинских горах, в проект которого Сталин собственной рукой дорисовал башни в стиле «а-ля рюс» и шпиль со звездой, делится внутри на зоны и блоки, совсем как в лагере. Я прошла мимо вахтера у лифта в мужскую зону, поднялась на четвертый этаж – зона «Г» юридического факультета – и направилась по коридору к блоку № 404. Блок – это жилая ячейка, состоящая из двух отдельных комнат по две койки в каждой и с общими для этих двух комнат туалетом и душевой. Я шла в блок № 404, где одну из комнат занимал Худя Вэнокан и еще какой-то сибирский нацмен, полагая увидеть там тощего, изможденного и обросшего Худю, которого надо выводить из любовного столбняка, а то он завтра вдруг возьмет и выбросится из окна. Конечно, я не собиралась заводить с ним роман, но у меня была идея пригласить его на субботний концерт в нашем студенческом клубе МГУ.

Худя открыл мне дверь. Он не был ни заросший, ни изможенный. И на нем не было малицы или какой-нибудь другой ненецкой национальной одежды. На нем были спортивная майка и темно-синие спортивные брюки. И его серые узкие глаза смотрели на меня спокойно, без испуга.

– Привет! – сказала я слегка развязно. – Можно войти?

Он пропустил меня в свою комнату. Это была чистая комната, без обычного для комнат мужской зоны бардака и фотографий голых девок на стенах. Две койки вдоль стен, шкаф, этажерка с юридической литературой и стол с настольной лампой – вполне спартанский вид. На столе лежала груда книг, открытый том «Основы классификации преступлений» и конспект. Рядом – недопитый стакан крепкого чая.

– А мне натрепались, что ты на полу спишь... – сказала я просто так, чтобы начать с чего-то разговор. – Я читала, что это очень полезно. Даже какая-то знаменитая балерина спала на полу...

– А теперь не сплю, однако. А заставляю себя спать на кровати.

– Заставляешь?

– Да, у нас в чумах нет кроватей, и я не привык к ним. А теперь приучаю себя, однако...

– Понятно... – Я не знала, о чем говорить дальше. – Слушай, у меня есть мои старые конспекты по этим «Основам классификации...» Хочешь?

– Спасибо, однако, – сказал он. – Но я должен сам все прочесть и законспектировать.

– А почему ты все время говоришь «однако»?

Он улыбнулся впервые за все это время:

– Так привык. У нас все так говорят, на Севере...

– Ага... Слушай, у меня есть билеты на эстрадный концерт у нас в клубе, на эту субботу.

Ты хочешь пойти?

Он смотрел мне прямо в глаза, и я вдруг подумала, что это и есть тот случай, когда говорят: «Смотрит как кролик на удава». В его глазах был испуг, страх. Но уже в следующий миг он сказал все тем же ровным голосом:

– Извини, однако. Я не могу ходить на концерт. Я очень отстал по всем предметам, а скоро семинар и зачеты.

– Да? – удивилась я. Вот уж не ожидала, что он мне откажет! Он, этот ненец, – мне! – Ну... – протянула я, уже не зная, что мне делать дальше. – Ну... как хочешь... Тогда я пошла...

Более унижительного и идиотского положения у меня в жизни не было! Он даже не предложил мне сесть! И чтобы хоть как-то отомстить за этот свой конфуз, я сказала, выходя из его комнаты:

– А что ты делал в лесу?

– Я лечился... – ответил он спокойно.

– От чего?

– От Москвы и... от тебя, однако.

Я поняла, что он имел в виду, но усмехнулась:

– Разве я заразная?

– Нет, но ты... – Он засмеялся, а потом посмотрел мне в глаза: – Я приехал в Москву, чтобы учиться на следователя, а не влюбляться, однако.

– Правильно, все равно это бессмысленно, – сказала я мстительно. – Ну и как? Ты вылечился от меня?

Он все смотрел мне в глаза. Это был долгий и пристальный взгляд человека, который решил выдержать молча любые пытки. Я повернулась и пошла прочь по коридору, нарочно чуть покачивая бедрами и отбросив своим коронным жестом косу на плечо.

Он выдержал и это. Он просиживал сутками в библиотеке, но уже не ради меня. При моем появлении он вставал и переходил в другой читальный зал. Через месяц зимняя сессия, и в списке Ленинских стипендиатов я увидела его фамилию – он сдал все экзамены на «отлично». Я не знаю, делали ли профессора скидку на его ненецкое происхождение, но кто-то из доброхотов рассказал мне, как Худя одолевал науки: когда от усталости мозги переставали воспринимать всю эту муть, которую зубрят первокурсники, он бился головой о стену и приговаривал: «Нет, я заставлю тебя работать! Работай, однако». А сдав экзамены, снова ушел в лес и пять дней спал там в своей малице прямо на снегу – отходил от перенапряжения...

Через год, когда в университете были вывешены списки распределения на работу и против моей фамилии стояло «Тюменская область», у нас с Худей состоялось формальное примирение: он подошел ко мне в столовой и сказал: «Здравствуй. Я узнал, что ты едешь работать в нашу Тюменскую область. Я очень рад. Это тебе. Пригодится, однако!» И он протянул мне две книги: «Русско-ненецкий словарь» и «Ненецкие сказки и былины». «Спасибо, – сказала я. – Может быть, теперь ты возьмешь мои старые конспекты?» Он улыбнулся и отрицательно покачал головой. «Я сам должен все учить, однако...»

С тех пор прошло четыре года. Пять месяцев назад, уже в Уренгое, я узнала, что Худя Вэнокан вернулся на Ямал, в Салехард, с «красным» дипломом отличника МГУ и с... двухлетней дочкой. От столицы Ямала Салехарда до нашего Уренгоя – рукой подать, 500 километров, но за эти пять месяцев мы ни разу не виделись с Худей. Он стал следователем Салехардского угро, а я была следователем Уренгойского, но милицейская сплетня быстрее телефона донесла до нас точные сведения о том, что дочка у Худи – от красивенькой неночки, поступившей в МГУ с помощью ее папаши, заведующего отделом по работе с ненцами и хантами при Тюменском обкоме партии. Худя женился на ней, когда был на третьем курсе, но девочка оказалась,

как говорится, «слаба на передок» – быстро пошла по рукам, а точнее – по студиям и постелям московских художников, охочих до всякой туземной экзотики... Через год она бросила и МГУ, и мужа с двухмесячным ребенком на руках и укатила с очередным художником куда-то на черноморский курорт, а потом ее след простыл даже для ее родного отца... Как Худя выходил в общежитии МГУ свою малышку и при этом жил и учился на 70 рублей Ленинской стипендии в месяц – только Бог знает, но, так или иначе, он появился этим летом в Салехарде, тут же получил должность следователя в Салехардском угро, и вот теперь начальник охраны лагеря № РС-549 майор Оруджев почему-то считает, что именно Худя виноват в побеге зеков из лагеря.

6

Я удивленно смотрела на майора Оруджева, даже спросила:

– Худя? Каким образом?

– А очень просто! – сказал Оруджев. – Он тут был дней двадцать назад. Зеки еще бараки себе ремонтировали – мы тогда только пришли сюда из Надыма. А этот Худя прилетел из Салехарда допрашивать кого-то из зеков по старым делам. И вот тут он стоял и при зеках брякнул начальнику лагеря: «Какой, говорит, дурак это место под лагерь выбрал, если линия передачи через лагерь проходит? С этой вышки, говорит, можно по проводу за зону выскочить. Лебедь, говорит, ждет весны, а зек ждет свободы!» И накаркал, паскуда! Зеки услышали его и на ус намотали!

– Нехорошо, товарищ майор. С больной головы на здоровую сваливаете. Прошляпили побег, а оказывается, наш уголовный розыск даже предупредил вас. Похоже, только осетриной вы теперь от нас не отделаетесь!

Оруджев уставился на меня своими темными выпуклыми глазами: сообразил, что зря про Вэнюкана брякнул, и гадал теперь, смеюсь я над ним или действительно требую еще что-нибудь, кроме осетрины. От этой непривычной мыслительной деятельности пелена мужланской похоти исчезла из его темных глаз, и они действительно стали красивы – в обрамлении черных ресниц, чуть опущенных инеем, оседающим от дыхания на мех его шапки, на усы и ресницы.

– Ладно! – сжалилась я. – Незачем тут на морозе торчать, у меня сейчас нос отвалится...

В разговоре с армейскими и милицейскими чинами я стараюсь сразу перейти на грубый тон, это остужает их первые горячечные мысли о моей принадлежности к женскому полу. Не всегда, правда... И Оруджев больше относился к исключениям, чем к правилу. Уже через несколько минут в офицерской столовой, когда расконвоированный зек-повар подал нам уху из нельмы и шашлык из осетрины, Оруджев приволок из своего «балка» бутылку армянского коньяка и бутылку розового шампанского «Цимлянское» (пить коньяк с розовым шампанским – высший шик в Заполярье), и в его красивых глазах снова плавала прозрачная бархатистость похоти, мощные плечи играли под мундиром, а грудь он выпячивал так, что, казалось, латунные пуговицы мундира вот-вот сорвутся с петелек.

«А ничего мужик, – подумала я, – просто призовой рысак для постельных скачек...»

А он уже налил коньяк в граненые стаканы, смешал фифти-фифти с розовым шампанским.

– За беглых, Анна Александровна! Пусть им полярная тундра будет пухом! Иначе вы бы никогда к нам не прилетели...

Я залпом и с удовольствием осушила свой стакан – уж очень я промерзла в дороге, в этой механической мастерской и на территории лагеря. До поджилок, как говорится...

Что было после? Объяснять – значит оправдываться, а оправдываться мне не перед кем, я баба холостая. Если захочу мужика – мой выбор и мое право ни перед кем не отчитываться. Мы допили с Оруджевым коньяк и шампанское, и вместо того, чтобы дожидаться вкальвающих в тундре зеков и продолжать свою работу, я позволила Оруджеву уговорить меня остаться на ночевку в лагере.

– А куда спешить, Анна Александровна! – лукаво усмехнулся он в усы. – Зеков приведут с работы около шести. Пока их пересчитают, пока ужин, то-се – уже восемь. А после восьми допрашивать зеков запрещено по инструкции. Лучше вы сейчас отдохните, выспитесь. У нас при караулке прекрасная есть комната. А утром я всех соседей беглых по бараку освобожу от работы, будете их допрашивать хоть целый день. Идет?

Конечно, я хорошо понимала, к чему приведет эта ночевка в лагере, в комнате при караульном помещении. Такие комнаты есть в любом лагере – раз в год к каждому зеку имеет право

приехать кто-то из близких родственников, их на три дня поселяют в такой комнате, а в случае, если к зеку приезжает жена, зек у нее даже на ночь остается в этой комнате. Правда, двери в таких комнатах без замков, а рядом – целый лагерь заключенных мужчин, но я-то могла спать спокойно – кто из них сунется в караульное помещение, где солдаты, и сторожевые собаки, и лязгающие металлические двери, и решетки на окнах! Однако и дураку ясно, что для начальника лагерной охраны, майора Оруджева, этих преград не существовало.

Вечером – если есть в полярной ночи деление на день, вечер и ночь – он прислал в мою комнату дежурного расконвоированного зека протопить печку-голландку. Затем за окном послышался топот колонны зеков, пришедших с работы. Их держали за воротами лагеря около часа! Наружная охрана, конвой, передавала зеков внутренней лагерной охране, и вохровцы принимали колонну по шеренгам из шести человек, пересчитывая: «Первая шеренга – проходи! Остальные – на месте!.. Вторая шеренга – проходи! Остальные – на месте! Третья...» Даже собаки охраны скулили от мороза и нетерпения... Наконец всех зеков впустили в зону, с лязгом закрылись лагерные ворота, звякнул штырь. Потом перестали клацать стальные двери КПП, стих собачий визг и лай, и только где-то далеко в тундре выл не то от голода, не то просто от тоски одинокий полярный волк. В лагере приближался отбой.

Я лежала в постели, медленно отбывая в сон и гадая, когда же явится этот Оруджев. Ноги сами собой вытягивались от крепнущего желания, и соски твердели так, что грудь ныла. Это мешало заснуть, да и вообще я не люблю, когда меня будят среди ночи, даже для секса. Зачем перебивать одно удовольствие другим? Наконец, в девять, после развода караула, майор Оруджев без стука открыл незапирающуюся дверь моей комнаты. Нет, он не обманул моих ожиданий – матрац, на котором он перенес меня с узкой лагерной койки на пол, чтобы не слышно было в караулке скрипа металлических пружин, – этот матрац тому свидетель! Но и я не уступала ему в нашей общей работе. Черт возьми, когда снимешь с себя офицерский китель и портупю с пистолетом, все, что днем было сковано жесткой офицерской формой, вдруг выхлестывает из тебя с такой бешеной энергией – не нужны ни индийские презервативы с их возбуждающими усиками, ни гашиш, ни импортная марихуана! А нужен только мужик, который способен устоять перед этим натиском часами, не слабея. Оруджев как раз и был таким – я не ошиблась в нем...

За час до лагерного подъема, т. е. в пять утра, Оруджев ушел, уже с трудом подняв меня, сонную, вместе с матрацем на кровать. Сквозь сон я слышала, что он обещал нужных мне для допроса зеков, соседей беглых, оставить по наряду на внутрилагерных работах, и поэтому я могу спать сколько хочу – никто меня будить не станет. И я действительно проспала лагерный подъем и даже не слышала очередного лязга лагерных ворот, лая собак и топота колонны зеков, уходящих на работу в тундру. Полдня пролетели во сне, как одна минута. Во всяком случае, когда Оруджев снова вошел в мою комнату, сел на край койки и произнес настойчиво: «Аня! Аня, проснись!» – я с большим трудом выпростала себя из сна. Неужели ему мало? Я увидела его наклонившееся ко мне лицо и сказала:

– Нет! Уйди...

– Проснись! Читай! – Он протянул мне бланк радиограммы.

Я открыла слипающиеся глаза и уставилась на радиограмму.

Лагерь № РС-549

Следователю Уренгойского угро

Анне Ковиной

В тридцати километрах от лагеря № РС-549, возле вахтового поселка Яку-Тур, ненцами-рыбаками обнаружен голый труп начальника экспедиции сейсморазведки Виталия Воропаева со следами изуверской расправы: отрезаны уши и половой орган втиснут в рот жертвы. Одновременно у речной пристани в Салехарде обнаружен рыбаками труп главврача Салехардской

окружной больницы Олега Хотько, обезображенный аналогичным образом. Одежда убитых похищена. География убийств совпадает с вероятным путем побега зеков из лагеря № РС-549 через Яку-Тур к железной дороге в Салехард. Поскольку буран снова прервал авиасвязь, направить следователя и судмедэксперта в Яку-Тур из Уренгоя невозможно. Срочно выезжай в Яку-Тур вездеходом для освидетельствования трупа и сбора следственных данных.

Зотов

Я просыпалась по мере того, как читала эту радиограмму. Вот оно, живое дело! Зеки каким-то чудом не замерзли в тундре, и больше того – совершили два убийства, пока только два, но каких! И никто из Уренгойского угро, никто из мужчин-следователей, включая самого Зотова, не может из-за нового бурана попасть в Яку-Тур на место происшествия. А я, Анна Ковина, «бытовичка», «запасное колесо», через час буду там – первой!

Я бегло перечитала радиограмму, на словах «втиснут в рот жертвы» я проснулась окончательно. Конечно, старикашке Зотову было сейчас не до литературных изысков, я понимала его. Я понимала даже больше, чем было сказано в этой эрдэ². Если железная дорога перекрыта патрулями и зекам не удалось улизнуть по ней на «материк», они либо прячутся в Салехарде, либо кружат возле него по тундре. А как же принимать членов правительства и иностранных гостей, если на территории края рыщут трое убийц! Поэтому Зотов гонит меня в Яку-Тур – «срочно», «вездеходом».

И вдруг новая идея пришла в голову: а если эти зеки разделились? Если только один или два из них дошли до Салехарда, а кто-нибудь все-таки в Яку-Туре или возле него?

Я вскочила с койки, выглянула в окно. За окном не было ни луны, ни звезд, ни серебристо-голубоватого отсвета тундры. Все накрыл очередной буран. Он швырнул в окно сухим снегом, скрипел колючей проволокой лагерного забора, и сквозь этот скрип слышался хриплый лай нервничающих собак и хруст снега под ногами колонны зеков. Я изумленно глянула на Оруджева – неужели я проспала весь день до конца смены? Но ведь на часах только одиннадцать...

– Мороз – полсотни, работы сактированы, – объяснил он.

Значит, зеков досрочно возвращают из тундры, для них буран – это отдых и отпуск, а для меня – первая удача получить настоящее «живое» дело, реальную «криминалку» и доказать, что «уренгойская овчарка» годится не только для вынюхивания антисоветской макулатуры. Отлично! Я не упущу свой шанс! Женщины-следователи и вообще все женщины – специалисты в так называемых мужских профессиях должны постоянно доказывать делом, что они не только не хуже мужчин справляются с работой, а лучше их. Только тогда нас вынуждены признать более-менее равными...

Шерстяные носки, мужские кальсоны, свитер, китель, меховой комбинезон, кожаный ремень с кобурой и пистолетом в ней, валенки, овчинный полушубок, шапка-ушанка, – торопливо одеваясь, я соображала: беглым нужна теплая одежда, документы и деньги. Поэтому они раздели и ограбили свои жертвы. Но беглых трое, а трупов пока два. Значит, вот-вот на тундровый наст может лечь еще кто-то. Если они, конечно, не использовали своего «поросенка»...

– Ну что ты зыришься на меня! – сказала я Оруджеву. – Готовь вездеход!

– Вездеход готов, ждет, – кивнул он за окно. – Я тоже еду. Там может быть след, который возьмут собаки.

У меня не было времени гадать: это только предлог, чтобы поехать со мной в надежде на еще одну горячую ночь, или он действительно рвется достать этих беглых. Во всяком случае, он соображал не хуже меня, подумала я, а для таких горячих дел, как охота за беглыми, лучшего

² Эрдэ – радиограмма (сокращенное обиходное).

партнера и не придумать. Ну а если фортуна нам улыбнется, мы с ним отметим удачу еще одной жаркой ночью, почему нет...

Я сунула в свой рюкзак три папки с личными делами беглых зеков и выскочила за Оруджевым. Буран, как бритвой, ожег лицо, перехватил дыхание. Но вездеход, ревя двигателем, стоял всего в двух шагах от КПП, и я привычно – не впервой все-таки! – перемахнула через гусеницу в кабину. Там, кроме водителя, сидели еще четыре бравых сержанта. Под небрежно распахнутыми овчинными полушубками у всех четверых блестели начищенные значки «Отличник караульной службы». И все четверо, не пряча мечтательных улыбок о возможном десятидневном отпуске в случае, если мы возьмем хоть одного беглого, поглаживали у колен рослых овчарок.

7

Конечно, не я одна думала в эти часы о связи торжественного открытия газопровода с беглыми зеками. Через несколько часов кое-кто и повыше меня забил тревогу. Вот полный текст телеграммы, с которой я начала этот рассказ:

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ

гриф – ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

Салехард,

Первому секретарю

Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС

тов. Петру Тусяде

Копии:

Начальнику Ямало-Ненецкого управления КГБ

майору В. Шатунову,

начальнику Ямало-Ненецкого управления милиции

полковнику Н. Синему,

военному коменданту

Салехардского гарнизона Советской Армии

полковнику С. Буряцько

Цепь убийств, совершенных заключенными, бежавшими из лагеря № РС-549, грозит безопасности открытия газопровода «Сибирь – Западная Европа». Срочно примите все меры к их задержанию или уничтожению. Максимальный срок выполнения этого партийного задания 24 часа. Каждый лишний час пребывания убийц на свободе приведет к вашей личной партийной ответственности.

Первый секретарь

Тюменского областного комитета КПСС,

член ЦК КПСС В. Богомятов

Тюмень,

10 декабря 1983 г.,

18 часов 30 минут

8

Пока наш вездеход, царапая гусеницами лед замерзшей реки, таранил буран и ночь, мы – Оруджев, я и четыре сержанта – все гадали: почему такой варварский, такой дикий способ убийства? Ну, убили, чтобы отнять одежду, деньги, документы, – это понятно. Но зачем при этом отрезать уши и все прочее? Первое объяснение, которое приходило в голову, – месть. Но за что беглым зекам мстить каким-то Воропаеву или Хотько, которых они в жизни не видели? Оставалось – садизм, клинический маниакальный садизм. Однако двадцатилетний «политический» Борис Толмачев сел, как значилось в его личном деле, «за чтение и распространение книг Солженицына среди студентов МГУ», а поддельщик старинных русских икон Глеб Шиманский в 1965 году окончил московский институт по специальности «Станковая живопись» и как художник принимал участие в московских и международных выставках, – оба они не годились на роль убийц-садистов.

– Это татарин! – уверенно твердил Оруджев. – Татарин, сука, Залоев, я их повадки знаю! Ничего! Если я его достану, клянусь отцом, я ему отрежу! Нет! Я его пальцем не трону – он сам, он сам себе все отрежет, клянусь могилой матери!

– Но за ним нет мокрых дел, – говорила я, – 217 краж со взломом, но ни одного случая применения оружия. А нас в институте учили, что преступники почерка не меняют. По его профилю – ограбить магазин в Яку-Туре...

– А что в магазине? – усмехнулся один из сержантов. – Рис и тушенка. А им документы нужны, паспорта...

– Но ради этого не отрезают уши и члены...

– В институте! Почерк! – сказал один из сержантов, подсакивая на очередном торосе. – У нас один архитектор сидит. Он в командировку уезжал и жене на губы влагалища замок надел, настоящий железный замочек. Она, конечно, через три дня от заражения крови копыта откинула. Такое вы в институте учили? А ведь инженер, с высшим образованием, архитектор. А тундра с людьми еще не то делает! Этот Толмачев – может, он в зоне воровской закон³ принял и теперь в паханы⁴ тянет, показывает себя. Или Шиманский...

– Херня! – презрительно сказал Оруджев. – Я на ящик коньяка спорю: это татарин, Залоев! Чингисханская кровь, падла, – ихний почерк. Эх, нам бы сейчас в Салехард попасть – он там, под Салехардом, ходит. Как они в такой буран до Салехарда дошли, етти их мать?!

– Кеклики! Кеклики, товарищ майор! Остановить? – крикнул водитель вездехода.

Действительно, впереди машины, ослепленные светом фар, вжимались в дорогу белые комочки полярных куропаток, которых здесь называют кекликами. Глупые птицы в момент опасности замирают на месте, пытаясь белым своим оперением слиться с белизной тундры, и вблизи, с двух метров, они похожи просто на комки снега. В хорошую погоду, когда нет бурана, все северные водители из любого таежного рейса возвращаются домой с мешком таких кекликов – их бьют палками и даже шапками, а кто половчей – собирают их на дороге просто голыми руками. И вкусней этой дичи нет ничего на свете. Но сейчас...

– Гони! Гони! – зло приказал Оруджев водителю, и тот нажал на газ.

³ Воровской закон – своеобразный кодекс морали у профессиональных воров.

⁴ Пахан – главарь воровской шайки.

9

Зыбкие огни вагон-городка Яку-Тур вынырнули из бурана неожиданно и близко. Во всех вагончиках-«балках», поставленных длинными рядами над замерзшей рекой, горел свет. На окраине поселка надсадно гудел движок электроподстанции, дверь магазина-фабрики хлопала на ветру. Я не раз бывала в подобных вахтовых поселках. В горячке последних лет освоения газовых месторождений Севера, когда правительство заключило контракты с западными странами на поставку в Европу уренгойского газа, Заполярье стало задыхаться от нехватки квалифицированных бурильщиков, сварщиков, монтажников. Эти специалисты ценятся дороже инженеров, и одним только длинным северным рублем их не заманишь в тундру. Им сразу подавай и благоустроенную квартиру, и детский сад, и школу для старших детей, и даже кино-театр для жены! Но некогда, некогда строить в тундре города с паровым отоплением, больницами, театрами и детскими садами! Некогда! Запасы Уренгойского газового месторождения превышают 7,5 триллиона кубометров газа, это океан газа, и в январе 1984 года он должен, обязан хлынуть в Европу, а в такой горячке – не до благоустроенных поселков, конечно. И тогда была введена другая система работы – вахтовая. Со всей страны, из всех нефте- и газодобывающих районов вот уже пятый год самолетами возят в ямальскую тундру рабочие бригады на 15-дневную вахту. Из Азербайджана, Татарии, Башкирии, Молдавии. Рабочие прилетают в такие, как Яку-Тур, вахтовые поселки. Ночь – на отдых, а наутро – в тундру, на буровые или на сварку газопроводов – на 15 суток. Там – 16-часовой рабочий день, разогретые на примусе консервы на обед, короткий сон в вагончике. Спят, конечно, не раздеваясь, кто тут думает о постельном белье, смешно! И снова на работу, до прилета очередной 15-суточной вахты. Конечно, и заработки у этих вахтовых работяг – дай Бог каждому, им платят по 800–900 рублей в месяц, это пять моих месячных окладов. Но государству все равно выгодно: не нужно строить в тундре города и поселки со всем комплексом цивилизации. Главное – чтобы в вечную мерзлоту ушли, как гвозди, все новые и новые плети бурильных труб и тысячи тонн глинистого раствора – прижать до открытия газопровода рвущийся наружу газ. И чтобы через болота, топи, тайгу и тундру, через сибирские и европейские реки и горы катил на Запад газопровод.

А деньги – ерунда, деньги – бумага, можно работягам и тысячи платить, зато потом, с января 1984 года, наша страна будет ежегодно поставлять в Европу до 40 миллиардов кубометров газа и зарабатывать на этом до десяти миллиардов долларов в год!..

Правда, после пятнадцати суток работы в открытой и иссеченной ветрами тундре, когда глинистый раствор и солярка въедаются в тело, когда промерзают душа и печенки, даже святой коммунист, добравшись до вахтового поселка, не утешится одной бутылкой водки и не сохранит верность своей тоскующей где-нибудь в Молдавии жене или невесте.

Бабы на вес золота, пусть даже ненки в их грязных чумах или проститутки, вышедшие в тираж на черноморских курортах. А где водка и бабы, там поножовщина – там, конечно, и мы, милиция, уголовный розыск...

Яку-Тур был типичным вахтовым поселком привилегированного, так сказать, типа – рядом, в полутора километрах, стоял ненецкий рыбосовхоз «Путь к коммунизму». Там работяги всегда могли раздобыть отличную закуску под водку – строганину⁵ и ненецких девочек. Потому у крылец некоторых вагончиков-«балков» были свалены впрок, как дрова, залеженные рыбыны...

Наш вездеход подкатил к вагончику-«балку» с вывеской:

«КОНТОРА ЯКУ-ТУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ СЕЙСМОРАЗВЕДКИ»

⁵ Струганина – свежемороженая сырая рыба, нарезанная тонкими ломтиками. Струганина из осетрины, муксуна, нельмы, да еще с гранатовым соусом, – изумительная закуска под водку.

Рядом с вывеской, на стене вагончика, висел красочный плакат:

«ДАДИМ РОДИНЕ ЕЩЕ МИЛЛИАРД КУБОМЕТРОВ ЯМАЛЬСКОГО ГАЗА!»

Возле вагончика сопели невыключенными двигателями два гусеничных вездехода и «КрАЗ». Водители не выключают зимой двигатели грузовых машин, иначе их кострами нужно отогревать, чтобы завести.

Оруджев откинул металлическую дверцу кабины, и яростный ледяной ветер снова ожег нам лица. Всего каких-нибудь десять метров от вездехода до вагончика, но, чтобы пройти их, нужно было грудью ложиться на ветер, и ощущение было такое, будто ты просто голая на этом ветру – лицо, шея, колени замерзли мгновенно. Я снова мельком подумала о бежавших зеках: как могли они в такой буран пройти пешком больше 140 километров от лагеря до Салехарда?

Оруджев буквально отодрал дверь вагончика – с такой силой прижимал ее к «балку» этот сумасшедший ветер – и пропустил меня внутрь. За первой наружной дверью была вторая, обитая войлоком для утепления, а из-за нее слышалась нестройная песня, выпеваемая хриплыми мужскими голосами:

– Эй, баргузин, пошевеливай ва-а-ал, плыть молодцу недалечко...

Я открыла обитую войлоком дверь, и мы оказались в спасительном тепле и густом папиросном дыму, утяжеленном резким запахом спиртного. В небольшой комнатенке конторы якутской сейсморазведки за дощатым столом сидело на лавках, видимо, все руководство экспедиции – человек двенадцать мужчин и три женщины. Все были явно пьяны. На столе было штук десять уже пустых бутылок с бело-зелеными наклейками «СПИРТ ПИТЬЕВОЙ, 96°», граненые стаканы, в которых плавали окурки, а на расстеленной на столе газете «Тюменская правда» – ломти жирного, давно оттаявшего муксуна. Мой наметанный глаз машинально отметил, что грязные жирные пятна обезобразили напечатанный в газете портрет Андропова...

При нашем появлении песня оборвалась, вся компания повернулась к нам, хмельно покачиваясь погрузневшими от выпитого спирта телами. Невысокий мужичок с прозрачными, плавающими глазами оторвался от лавки и шагнул нам навстречу. Было видно, как он усилием воли заставляет себя держаться прямо.

– С-слушаю вас, т-товарищи...

– Фамилия? – брезгливо сказала я ему.

– М-моя? М-малофеев...

– Должность?

– М-моя? З-з... заместитель начальника п-по хозчасти. П-прошу к столу... – Он качнулся, но оперся рукой о чье-то плечо.

– Я следователь Уренгойского уголовного розыска Анна Ковина. Мы приехали по делу об убийстве Воропаева. Где труп?

– Может, сначала это... водочки с дороги? – сказал из-за стола кто-то. – За помин его души, а?

Теперь я поняла, что эта пьянка – поминки по погибшему начальнику. И, судя по количеству пустых бутылок на столе, начались эти поминки давно, скорее всего – с самого утра.

– Я говорю: где труп? – сухо повторила я.

– А труп ч-чего? – качнулся Малофеев. – Т-труп в гробу, где ж ему еще б-быть? Н-на улице, з-за конторой... – Его надо в Киев, самолетом. У Воропаева там семья, – добавил кто-то. Оруджев повернулся ко мне, спросил: – Где будет осмотр трупа? Сюда занести? Дико не хотелось выходить снова на мороз, в буран, но не вносить же труп сюда, на стол этой пьяной компании.

10

РАДИОГРАММА

Уренгой,

начальнику Уренгойского управления уголовного розыска

майору Зотову

Выполняя Ваше указание, сегодня, 10 декабря 1983 года, произвела в поселке Яку-Тур наружный осмотр трупа бывшего начальника Яку-Турской экспедиции сейсморазведки В. Воропаева и опрос его подчиненных. Кроме того, совместно с начальником охраны лагеря № РС-549 майором Оруджевским и при участии служебно-разыскных собак произведен, несмотря на бурю, подробный осмотр места происшествия. В результате вышеуказанных следственных действий удалось установить:

Рано утром 6 декабря Виталий Воропаев, 37 лет, по национальности русский, возвращался в поселок Яку-Тур из расположенного в полутора километрах ненецкого становища рыбсовхоза «Путь к коммунизму» от своей сожительницы – ненки Саване Пырерко. Допрошенная Пырерко (19 лет) показала, что В. Воропаев исчез из ее чума, когда она спала, т. е. примерно между 5 и 8 часами утра 6 декабря. При допросе Пырерко назвала приметы одежды Воропаева, похищенной его убийцами. Шапка меховая, пыжиковая, светло-коричневая; куртка брезентовая на волчьем меху, с брезентовым капюшоном; брюки-комбинезон синие, меховые; унты из собачьего меха с черной оторочкой.

Дополнительными опросами местного населения установлено, что гр. Саване Пырерко, числясь членом рыбацкой артели совхоза «Путь к коммунизму», участия в работе артели не принимает, а живет на нетрудовые доходы от проституции, сожительствою с рабочими и инженерно-техническим составом вахтового поселка Яку-Тур. При обыске ее чума обнаружено около 3 (трех) тысяч рублей деньгами, а возле чума – несколько ящиков пустой стеклотары из-под спирта, водки и одеколону. Поскольку продажа спиртного ненецкому населению запрещена законом, не вызывает сомнения, что спиртные напитки в изобилии приносили с собой клиенты вышеуказанной Саване Пырерко, которые посещали ее как группами, так и в одиночку.

Сообщаю подробности происшествия:

Труп убитого Воропаева был обнаружен сегодня, 10 декабря 1983 года, рано утром местным жителем, бригадиром ненецкой рыбартели «Путь к коммунизму» Яхано Тоху примерно в двухстах метрах от становища, от чума Пырерко. Таким образом, В. Воропаев, навестивший Саване Пырерко в ночь с 5 на 6 декабря, отсутствовал на работе четыре дня, что, безусловно, должно было вызвать беспокойство его подчиненных. Однако заместитель Воропаева по хозяйственной части Родион Малофеев и другие подчиненные показали, что, поскольку в период с 6 по 9 декабря все работы в экспедиции были остановлены из-за сильного бурана, они не хотели беспокоить своего начальника Воропаева, полагая его пребывающим у Саване Пырерко.

Бригадир артели «Путь к коммунизму» ненец Яхано Тоху (возраст 63 года) показал, что сегодня, 10 декабря, утром (точное время назвать не может, т. к. часами не пользуется, но, по моим подсчетам, в 6.30–7 утра) он выехал из стойбища на собачьей упряжке в поселок Яку-Тур, чтобы купить в магазине-

фактории табак, муку и чай. На пути к поселку его собаки остановились перед сугробом, уселись в снег и стали выть, а вожак стал царапать сугроб передними лапами. Соскочив с нарт, Яхано Тохо разрыл сугроб и обнаружил замерзшее тело В. Воропаева. Труп, по словам Яхано Тохо, был абсолютно голый, заледенелый, отрезанные уши примерзли к груди. В паху вокруг отрезанного «хотэ» заледенела корка крови.

Уверенный в том, что это «духи тундры по приказу великого бога тундры Нума» казнили Воропаева за разврат, Яхано Тохо не притронулся к трупу, а примчался на собачьей упряжке в Яку-Тур, где сообщил о своей находке заместителю Воропаева Родиону Малофееву. Малофеев вместе с шофером Малышко и другими работниками экспедиции немедленно отправились в тундру по следам собачьей упряжки Яхано Тохо (старик, боясь «духов тундры», сопровождать их отказался), где и подобрали труп Воропаева.

Произведенный мною наружный осмотр трупа показывает, что из-за сорокаградусных морозов признаков разложения на трупе нет. Телесные повреждения: отрезанные уши и половой орган – нанесены острым холодным оружием. Этим же, по-видимому, оружием потерпевшему Воропаеву нанесен смертельный удар в сердце. На запястьях и на плече Воропаева имеются четко обозначенные синяки, что может свидетельствовать о попытках жертвы к самообороне. По моим предположениям, В. Воропаев покинул чум Саване Пырерко рано утром 6 декабря, намереваясь вернуться на работу. Буран не остановил его, поскольку накануне он и Саване Пырерко выпили вдвоем три бутылки чистого питьевого спирта. В двухстах метрах от чума Воропаев встретил убийцу или убийц, по всей видимости, заключенных, бежавших в эту ночь из лагеря № РС-549.

Однако для окончательного определения времени гибели Воропаева и для определения очередности произведенной над ним экзекуции необходимо прислать в Яку-Тур опытного судебно-медицинского эксперта. Что касается осмотра места происшествия, вынуждена отметить, что никаких следов преступника или преступников на месте преступления не обнаружено.

Жду Ваших дальнейших указаний.

Старший лейтенант милиции,

следователь Анна Ковина

Поселок Яку-Тур,

10 декабря 1983 года

Я думала, что такими темпами работы я утерла нос лучшим следователям нашего Уренгойского угро. Всего за несколько часов моего пребывания в Яку-Туре и в совхозе «Путь к коммунизму» я собрала практически весь возможный материал по факту убийства Воропаева. И это в буран, в мороз, когда брать показания нужно было не только у пьяных русских, но и у ненцев в их черных, пропахших псиной чумах...

Но короткий ответ на мою радиограмму пришел вовсе не от моего начальника Зотова.

СРОЧНАЯ РАДИОГРАММА

Яку-Тур,

заместителю начальника

Яку-Турской экспедиции сейсморазведки

Р. Малофееву

Немедленно организуйте отправку в Салехардский КГБ следователя Уренгойского угро Анны Ковиной со всеми имеющимися у нее личными

делами бежавших преступников и с телом убитого Воропаева. Сообщите Ковиной, что фотографии беглых зеков, находящиеся в личных делах, крайне необходимы для поиска и задержания преступников.

В целях гарантии преодоления бурана снарядите в эту поездку не менее трех вездеходов с самыми опытными водителями. О выполнении доложить немедленно.

*Начальник Салехардского управления КГБ
майор Шатунов*

11

Вызов в столицу Ямало-Ненецкого округа Салехард я восприняла как знак судьбы, а Оруджев – как служебная собака воспринимает команду «Фас!». Он сам сел за рычаги управления переднего вездехода, и три ревущих на полную мощь танковых двигателя заглушили рев бурана.

Оруджев гнал вездеходы по компасу – напролом через снежные торосы, через редкий тундровый кустарник, по замерзшим болотам и тундровым распадкам.

От чудовищной тряски гроб с Воропаевым развалился в первый же час, заледенелое тело вывалилось на пол вездехода.

– Стой! – орала я Оруджеву. – Стой! Ты мне труп изуродуешь! Он нужен для медицинской экспертизы! Стой!

Но Оруджев гнал без остановки. Ему было наплевать на медицинскую экспертизу и прочие тонкости криминалистики. Там, в Салехарде или возле него, он мог найти сбежавших преступников и реабилитировать свое незапятнанное имя одного из лучших офицеров караульной службы.

А я чуть не плакала от досады. Тело убитого Воропаева представляло собой уникальную ценность для медэкспертизы, потому что труп замерз в тундре так же мгновенно, как замерзает рыба, которую ненцы добывают зимой подледным ловом. Вынутая сетями из-под льда и едва оказавшаяся на сорока-, а то и пятидесятиградусном морозе, эта рыба замерзает в долю секунды, даже вода не успевает стечь с ее жирной спины. Именно так замерз в тундре Воропаев. Только вместо воды вокруг разинутого рта с вогнанным в горло «хотэ» запеклась-замерзла кайма алой крови. И такие же ледяные ободки крови были вокруг отрезанных ушей и в паху, вокруг отрезанного «хотэ». При этом – никаких пятен разложения на трупе, труп пролежал четыре дня в тундре, как в холодильнике, синяки на правом плече и на запястьях рук были видны идеально.

Но теперь от тряски труп швыряло по железному полу вездехода. Отгоняя от него собак, я с двумя сержантами кое-как запихнула все-таки труп обратно в развалившийся гроб и перевязала его своими ремнями. Заледенелое тело громыхало в гробу, я жалела, что не укутала его в какой-нибудь полушубок, но не открывать же гроб заново, я и так из последних сил держалась руками за железные распорки вездехода.

Наверное, я выдержала эту дорогу без рвоты только потому, что ничего не ела со вчерашнего дня и блевать было просто нечем. Шесть раз мы переворачивались, скатываясь юзом то с берега какой-то речушки, то с наледи тундрового распада. Четыре стальных троса лопнули, когда два других вездехода ставили на гусеницы очередной перевернувшийся вездеход. При этом тундра слышала такой русский, осетинский и украинский мат, какого я не слышала за все годы своей работы в милиции.

Через три часа этой безумной езды перегрелся и задымился двигатель одного вездехода, еще через час лопнула гусеница второго. Мы бросили их в тундре и на одном вездеходе вкатили в темные улицы Салехарда. Гусеницы пролязгали по обледенелым бревенчатым мостовым, и вездеход остановился у здания местного управления КГБ. Я выползла из кабины полуживая, с обмороженной щекой, на негнущихся ногах. От ушибов болели спина, плечи, колени. Но я еще помогала солдатам вытаскивать из вездехода скулящих собак и гроб с Воропаевым.

– Брось! – отпихнул меня Оруджев. – К Шатунову!

В кабинете Шатунова сидели человек 15 мужчин – все салехардское начальство. Оперативный штаб по розыску беглых. Среди них был и Худя Вэнокан. Мы с Оруджевным, шатаясь от усталости, остановились в дверях, у меня в руках были папки с личными делами беглых.

Майор Шатунов, пятидесятилетний сибиряк с крепким обветренным лицом и белесыми ресницами альбиноса, взглянул на меня одобрительно:

– Пробылась? – и кивнул кому-то: – Стул ей дайте, упадет сейчас.

Все рассмеялись. Вот так всегда, етти их мать, – сделаешь работу, на которую трех мужиков не хватит, а они только лыбятся!..

Кто-то подал мне стул, взял у меня папки с личными делами беглых и передал их на стол Шатунову. Я села и почувствовала, что от тепла меня начинает развозить – к горлу подступала икота. А Худя Вэнокан подал мне стакан крепкого чая. Он очень изменился за эти четыре года. Раньше, в университете, он был скованным ненцем с простодушным лицом оленивода. А теперь что-то взрослое, резкое и усталое появилось на этом лице. Да и не мудрено, подумала я, я вообще не представляю, как он мог сдавать экзамены и зачеты на юридическом факультете МГУ и одновременно нянчить в общежитии грудного ребенка. Я там и без ребенка зашивалась по горло...

Тем временем Шатунов, не поднимая глаз от личных дел сбежавших зеков, спросил Оруджева:

– Это ты упустил зеков из лагеря?

– Виноват, товарищ майор, – стоя по стойке «смирно», сказал Оруджев.

– Будешь разжалован, – так и не взглянув на него, бросил Шатунов. Он вырвал из папок листы с фотографиями беглых и протянул их кому-то из своих подчиненных: – Немедленно размножить и раздать всему личному составу. Плакаты с портретами убийц чтобы через два часа висели на каждом столбе!

– Разрешите искупить вину, товарищ майор, – сказал Оруджев.

Только теперь Шатунов поднял на него глаза:

– Как ты ее искупать собираешься?

Белый щегольской полушубок Оруджева был мокрым от снега, лицо и руки – в синяках от ушибов о лобовое стекло вездехода, левое ухо обморожено, на небритых щеках выступила темная щетина. Он произнес жестко, твердо:

– Я этих б...й из-под тундры достану!

– Хорошо, попробуй... – ответил Шатунов и взглянул в мою сторону – я икала уже на весь кабинет.

Он брезгливо поморщился, приказал Худе Вэнокану:

– Отвези ее в гостиницу...

Вэнокан подошел ко мне, хотел помочь мне встать, но я оттолкнула его руку, встала сама. Еще не хватало, чтобы именно Худя Вэнокан стал теперь моей нянькой! Но самое обидное – до слез! – было то, что после целого дня погони за «живым делом», после всех моих стараний в Яку-Туре и безумной дороги до Салехарда – эта идиотская, безостановочная икота! Со слезами на глазах я пулей выскочила из кабинета в коридор. Там двери на улицу были открыты настежь, солдаты вносили гроб с Воропаевым, и я не знала, куда мне деться от людей. Почему, когда человек падает или икает, всем вокруг становится так смешно? Даже Худе Вэнокану!

Он принес мне целый графин воды и сказал:

– Выпей, однако, легче станет. И поехали в гостиницу...

Я повернулась к нему в паузе между икотой, сказала с ненавистью:

– Слушай! Пошел на хер! Ик!

Он пожал плечами и ушел в кабинет Шатунова.

12

СЛУЖЕБНАЯ ТЕЛЕФОНОГРАММА

Тюмень,
первому секретарю
Тюменского областного комитета КПСС
товарищу В. Богомятову

В ответ на Вашу телеграмму-молнию о задержании заключенных, бежавших из лагеря № РС-549, докладываем:

– в городе Салехарде на поиск преступников-убийц мобилизован весь наличный состав местного КГБ, милиции и военного гарнизона. Создан оперативный штаб по задержанию беглых;

– производится тщательный обыск всех зданий в городе, на железнодорожной станции Лабытнанги и в близлежащих поселках, блокирован аэропорт, железная дорога патрулируется. Несмотря на бурю, следователь Уренгойского угро Анна Ковина доставила из лагеря № РС-549 фотографии беглых. Фотографии размножены и розданы всем патрулям. При первом же улучшении погоды будет применена авиация для обследования окрестной тундры.

Уверены, что выполнение Вашего партийного задания по задержанию или уничтожению убийц начальника Яку-Турской экспедиции сейсморазведки Воропаева и главврача Салехардской окружной больницы Хотько – вопрос нескольких часов.

*Первый секретарь
Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС
Петр Тусяда
Начальник Оперативного штаба
майор госбезопасности Шатунов
Салехард,
10 декабря 1983 г.*

13

До контрольного срока, назначенного первым секретарем Тюменского обкома партии Богомятовым, до 18 часов 30 минут 11 декабря, оставалось несколько минут.

Мы, почти весь состав Оперативного штаба по розыску преступников-убийц, сидели в кабинете первого секретаря Ямало-Ненецкого окружкома Петра Тусяды.

Специально к приезду на открытие газопровода правительственной делегации и иностранных гостей здесь сменили советскую мебель на шведскую, стены украсили карельской березой и огромной рельефной картой Ямало-Ненецкого национального округа с зелеными вышками на местах газовых месторождений и красными нитями трубопроводов. А фигурками оленей, песцов и рыб были обозначены на этой карте прочие богатства ненецкой тундры: оленеводческие колхозы, рыболовецкие артели и фермы по разведению пушного зверя. Карта убедительно показывала, что этот дикий заполярный край, территория которого в полтора раза больше Франции, – поистине уникальная кладовая «голубого золота» – газа, «мягкого золота» – пушнины и «красного золота» – лососевой рыбы. И формальному хозяину всего этого края, первому секретарю окружкома партии ненцу Петру Тусяде, полгода назад назначенному на этот пост Москвой специально, чтобы показать иностранным гостям рост национальных кадров в стране, было что предъявить приезжим: ненцы нескольких показательных звероферм и колхозов были спешно переселены из оленьих чумов в европейского типа поселки, ненецкий ансамбль песни и пляски «Северное сияние» разучил французские, немецкие и чешские народные песни, и даже дети местной школы-интерната подготовили концертную программу на четырех языках...

Но сейчас Петру Тусяде было не до французских песен. Плотный, коренастый ненец тридцати шести лет, еще недавно бывший простым директором ненецкого зверосовхоза, он грузно сидел в кожаном кресле и медленно, на манер своих ненецких предков, раскачивался всем телом вместе со слитой с плечами, почти без шеи, круглой головой. Его узкие глаза были открыты, но вряд ли видели нас перед собой. Похоже, впервые за шесть месяцев головокружительной партийной карьеры ему смертельно захотелось назад в тундру, к своим оленям, песцам и черно-бурым лисам. Впрочем, такое же настроение было у всех собравшихся: нам всем хотелось в этот момент быть как можно дальше от стоявшего на столе красного телефона прямой связи с Тюменским областным комитетом партии. Потому что все чрезвычайные меры по розыску сбежавших преступников не дали никаких результатов.

Напрасно – едва к утру чуть улегся буран – кружили над Салехардом и всей приокруженной тундрой два вертолета полярной авиации, засекая с воздуха каждую выходящую из города машину, вездеход и даже ненецкую нарту. Напрасно солдаты местного гарнизона обыскивали каждый дом, каждый склад, барак и вообще каждый жилой и нежилой угол, включая вмерзшие в обский лед баржи. По всему городу ветер кромсал и рвал наспех расклеенные плакаты с портретами зеков и надписью «РАЗЫСКИВАЮТСЯ ПРЕСТУПНИКИ». На железной дороге солдаты не только обыскивали каждый вагон, но сопровождали поезда почти до Уральского хребта. И зря исполосовали окрестную тундру гусеничные вездеходы, объехав все близлежащие и дальние – в радиусе сотни километров – ненецкие стойбища. Ненцы встречали там солдат открытой насмешкой:

– Русские духов ищут, однако. Разве можно духов найти, однако?

Каким-то немыслимым образом слух о том, что двух русских начальников «казнили духи тундры», стремительно разнесся по Ямальскому полуострову. Беспроволочный телеграф ненецкой сплетни тут же украсил факты невероятным объяснением: когда русские пришли в тундру триста лет назад, чтобы отнять у ненцев меха и рыбу, духи тундры молчали, духи тундры спали под землей. Когда русские стали бурить ненецкую землю, чтобы добраться до

последних богатств ненцев – нефти и газа, духи проснулись. Но русские не выпускали их из-под земли, русские закрыли дырки в земле глиной и металлическими пробками. Однако теперь, в связи с открытием газопровода, русские стали открывать буровые скважины. И духи тундры вырвались из-под земли и начали мстить русским за то, что те искромсали тундру своими железными машинами и уничтожили оленьи пастбища, негде теперь ненцу олешек пасти, убили реки, замутили их бензином, соляжкой, нефтью и принесли в тундру «дурные» болезни: сифилис, триппер, туберкулез.

Конечно, никто в Оперативном штабе не придавал этим слухам никакого значения. Мы думали о другом: куда могли запропасться трое беглых? Не духи же, в конце концов, бежали из лагеря № РС-549! Почти пять суток миновало с момента их побега, им нужны еда, тепло, жилье, а на всем их пути от лагеря до Салехарда – пути, отмеченном двумя трупами, – нет ни ограбленного магазина, ни костра – ничего. И в самом Салехарде – ни одной квартирной кражи, ни следа бежавших преступников. После того как в Яку-Туре был убит Воропаев, а в Салехарде – Хотько, беглые как в воду канули. Или они каким-то мистическим образом проскочили все-таки через железнодорожные патрули и укатили на «материк»?

Короче, у всех собравшихся сейчас в кабинете Тусяды было подавленное настроение. И именно в этот момент дверь распахнулась и Оруджев втокнул в кабинет двух ненецких мальчишек в драных оленьих малицах. Все вопросительно и с некоторой надеждой повернулись к Оруджеву.

– Ну! – нетерпеливо сказал Шатунов.

– А пусть они сами скажут! Засранцы! – Оруджев резко дернул мальчишек за плечи. От его прежнего бравого лоска не осталось и следа. За сутки бессонного рысканья по Салехарду его лицо задубело, щеки ввалились. Но мальчишки молчали, зыряка на нас своими злыми узкими глазенками.

– Ну, короче! – требовательно сказал Оруджеву Шатунов.

– Застал на месте преступления, – доложил Оруджев. – Углем, засранцы, написали на памятнике Ленину: «Русские, уходите из тундры!»

– И это все? – спросил Шатунов.

– Все, товарищ майор. Они еще что-то про духов начали писать...

– Пошел вон... – устало и негромко сказал Шатунов.

– Что? – не расслышал его Оруджев.

– Я говорю: пошел вон!!! – вдруг сорвался на крик Шатунов. – К е...й матери!

При этом никто не обратил внимания на то, что в кабинет торопливо вошел начальник окружного управления милиции полковник Синий. Хотя по званию Синий был полковником, а Шатунов – только майором, но Шатунов, как начальник Оперативного штаба и представитель КГБ, вел себя хозяином, а Синий лишь старался держаться независимо. Не глядя ни на кого, он напрямик прошел к столу Петра Тусяды и положил перед ним бумаги с машинописным текстом. Тусяда молча прочел, коротко взглянул на полковника Синего, снова опустил глаза к этому листу. Потом встал и тяжело прошел на своих коротких ногах к стенному шкафу, открыл его. Там на крючке висела оленья малица и прочая ненецкая национальная одежда. Тусяда снял с себя темный пиджак со значком депутата Верховного Совета СССР, галстук, белую рубашку. Мы в изумлении смотрели на него. Догола он, что ли, разденется? А он тем временем спокойно надевал на голое тело «ягушку» – рубашку из оленьей шкуры мехом внутрь. Затем сбросил с ног модные туфли и, не закатывая брюк, натянул меховые носки «ичиги», а поверх них – высокие оленьи сапоги «кисы» и затянул их шнурками выше колен. После этого он ловко влез в глухую, с капюшоном и рукавами оленью малицу и, так и не проронив ни слова, вышел из кабинета. Только по пути отечески-властным жестом взял двух ненецких мальчишек за капюшоны и увел с собой.

– В чем дело? – посмотрел Шатунов на полковника Синего, потом перегнулся через стол Тусяды и взял лист бумаги с машинописным текстом. Он еще не кончил читать, когда за окном, на освещенной яркими фонарями улице, Петр Тусяда остановил проезжавшую мимо ненецкую оленью упряжку, сел в нее и уехал.

Настенные часы показали 18 часов 30 минут, красный правительственный телефон на столе Тусяды заворчал негромким приглушенным звоном. Никто не брал трубку. Белый лист с машинописным текстом шел по рукам под эти настойчивые, с ровными интервалами, телефонные звонки. Вот что было напечатано на этой бумаге:

РАПОРТ

Начальнику Ямало-Ненецкого
управления милиции
полковнику Н. Синему

Проводя очередной обход Полуйского района г. Салехарда, сегодня, 11 декабря, в 18 часов 10 минут дежурный патруль в составе трех человек и под командой старшего сержанта милиции Орлова заметил, что калитка коттеджа главного геолога треста «Ямалнефтегазразведка» тов. Розанова П.Р. открыта. Войдя во двор коттеджа, патруль обнаружил в снегу возле финской бани замерзший голый труп тов. Розанова со следами зверской расправы: отрезаны уши и половой орган. Отрезанный половой орган находится во рту у жертвы. Одежда и документы убитого исчезли. В метре от убитого, на снегу, обнаружена брезентовая рукавица с биркой лагеря № РС-549 и написанными на подкладке химическим карандашом инициалами «Т.З.», что может свидетельствовать о принадлежности этой рукавицы одному из бежавших из лагеря № РС-549 преступников, а именно – Тимуру Залоеву...

Пока мы читали, Шатунов короткими фразами отрывисто переговаривался с полковником Синим:

– Район оцеплен?

– Уже оцепляем.

– Сколько следователей на месте преступления?

– Из нашего угро туда только что выехали Ковров, Вэнокан и проводник служебных собак Теличкин.

– Сколько собак?

– Три...

– Хорошо. Рукавицу – майору Оруджеву для опознания. В доме Розанова ничего не трогать до моего приезда! – распорядился Шатунов и поднял наконец телефонную трубку. – Слушаю, товарищ Богомятов... Нет, Тусяда уехал, это майор Шатунов... Нет, к сожалению, не пойманы, но находятся в Салехарде... Знаю потому, что только что найден третий труп. Убит главный геолог «Ямалнефтегазразведки» Розанов...

Даже по непроницаемому лицу Шатунова было видно, что на том конце провода звучит далеко не печатная, но веская партийная терминология. Только изредка Шатунову удавалось вставлять:

– Нет, теперь не уйдут... Понимаю, но теперь они не уйдут...

Наконец он дослушал все, что говорил ему по телефону Богомятов, коротко ответил «Слушаюсь», положил трубку и повернулся к нам:

– Нам дали отсрочку до утра. Но если мы их не возьмем... Ну, сами понимаете. А теперь все следователи – за мной, на место происшествия! – И предупредил всех прочих, шумно поднявшихся на ноги: – Остальным там делать нечего, все – в оцепление!

14

Между тем то, что всего несколько часов назад казалось недостойной внимания бредятиной и дикими суевериями, обернулось, едва был найден труп Розанова, чуть ли не массовым безумием. Еще бы, за два дня – три убийства, да каких! С загнанными в горло «хотэ»! Короче, толпа есть толпа, сколько ты их ни воспитывай и ни учи атеизму и материализму. О найденной во дворе розановского коттеджа брезентовой рукавице, подтверждающей, что убийства – дело рук беглых зеков, а не духов тундры, никто теперь в Салехарде и слышать не хотел! «Духи тундры казнят русских», – понеслось по городу из уст в уста. И улицы Салехарда вымерли. В семейных домах русские баррикадировали двери и окна. В рабочих общежитиях горел свет: холостые мужчины упаковывали чемоданы. Бежать из тундры!.. В Лабытнангах, поселке на западном берегу Оби, где находится железнодорожная станция, на вокзале было столпотворение. Вахтовые рабочие штурмовали билетную кассу, безбилетники прорывали на перроне милицейское оцепление вагонов, и отправление поезда Салехард – Москва пришлось задержать на три часа.

В этой давке и драках за билетами несколько человек получили увечья, человек тридцать были арестованы за хулиганство и неподчинение милиции.

Но это не помогало. Какой-то пьяный взобрался на мусорную урну рядом с билетной кассой, истерически хохотал и выкрикивал над потной, штурмующей кассу толпой:

– Наб...ли в тундре?! От грехов бежите?! А кто у ненцев соболей за пол-литра рвал? Яйца свои спасаете?! Ха-ха-ха! А кто в реки тут нефть сливал? А? А кто ненецких девочек трахал? А теперь яички свои спасаете, п...рванцы! А кто в тундру сифилис привез, я вас спрашиваю?!

– Заткнись, падла! Сам такой... – крикнули ему из толпы.

– Правда глаза режет? – весело отвечал пьяный. – Джека Лондона на вас нет! Он бы вас всех описал, строителей коммунизма, мудозвонов тундровых!

– Я тебе сейчас сам уши отрежу! – ринулся к нему кто-то.

– Бичи! – весело крикнул пьяный. – А я что? Я не отказуюсь! Я тоже тут наб...л! Я тут тоже нашкодил! Но пусть в меня камень бросит тот, кто без греха! А? Нету таких? Но я, тля, откуплюсь счас от тундровых духов! Я откуплюсь! – Он не то свалился, не то спрыгнул с урны, нырнул сквозь толпу на привокзальную площадь, достал из-за пазухи толстенную пачку заработанных, наверно, за год денег и стал швырять их тундровому ветру: – Все! Все отдаю! Держи, тундра! Ну, кто еще смелый отдать тундре награбленное, тля!..

Тут его, конечно, арестовали, но и в милиции он выворачивал свои карманы, швырял на пол последнюю мелочь и юродствовал:

– А в чем дело? Я их тут зарабатывал – я их тут выбросил! Имею право! Мне мои яички дороже! Прошу занести в протокол: бурильщик Трофимов свои яйца у ненецких духов выкупил!..

Наутро ни одна русская семья не пустила детей в школу, и большинство русского населения города не вышло на работу. Примерно то же самое происходило в 1960-х годах в Москве, когда милиция две недели не могла поймать убийцу-садиста Ионесеяна, который каждый день убивал по ребенку...

Шатунов, чтобы пресечь распространение этого безумия по краю, приказал отрезать Салехард и Лабытнанги от связи с внешним миром: остановить отправку почты, не давать частных телефонных звонков в другие города, закрыть аэропорт для вылета частных лиц и отменить отправление поездов.

Он назвал эту акцию «психический карантин».

15

Но в Оперативном штабе никто, конечно, не верил ни в каких «духов тундры» и прочую чертовщину.

На крутом берегу реки Полуи, притока Оби, в новеньком коттеджном поселке местного начальства, который жители Салехарда прозвали «Лауреатником», поскольку почти все местное начальство уже было лауреатами государственных и прочих премий за открытие и разработку газовых месторождений, находился коттедж Розанова. Он был оцеплен милицией, а двор освещен фарами автомашин и установленными в окнах прожекторами. При этом свете во дворе уже третий час мучились майор Оруджев и местный, салехардский, проводник служебно-разыскных собак – сержант Теличкин. Оруджев доставал из целлофанового пакета найденную на месте убийства Розанова рукавицу Залоева, давал обнюхать ее собаке, а затем делал рукой широкий круг и говорил негромко:

– Искать, Титан. След.

Титан – серый поджарый кобель-медалист – и без команды знал свое дело. Низко наклонив морду к снегу, он шел кругами по двору, все сужая их и сужая, и наконец возвращался туда, где несколько часов назад патрульные милиционеры нашли эту рукавицу, – на место убийства Розанова. Тут Титан садился и зевал, всем своим видом показывая, что поиск окончен.

То же самое происходило и с другими собаками. Мы сгрудились в дверях и окнах коттеджа, наблюдая за безрезультатными попытками Оруджева и сержанта Теличкина найти хоть какие-нибудь залоевские следы. Нужно сказать, что и у нас, следователей, не было никаких результатов. Худя Вэнокан и его коллега из Салехардского угро, эксперт-криминалист Ковров, буквально на четвереньках облазили весь коттедж Розанова и стоящую во дворе финскую баню, потом доложили Шатунову:

– Все. Можете войти в коттедж. Нет никаких отпечатков пальцев или следов, кроме следов самого Розанова и его шофера.

Шатунов смотрел на них такими злобными глазами, что криминалист пояснил, или, скорее, добавил в свое оправдание:

– В коттедже месяц никто не жил. Все покрыто пылью. Поэтому следы и отпечатки пальцев видны сразу. Розановские следы есть на кухне, на холодильнике, на бутылке коньяка, на вешалке, на кранах батарей парового отопления. А отпечатки пальцев его шофера – на двух розановских чемоданах. Вот и все.

Шатунов вздохнул и вошел в коттедж, следом потянулись остальные, в том числе и я.

Я никогда не бывала на виллах миллионеров, я видела их только в кино и лишь понаслышке знаю о правительственных дачах. Теперь я воочию увидела, что такое настоящая роскошь. Вообще и о самом «Лауреатнике» стоит сказать чуть подробнее. Такие поселки для начальства есть на всех стройках союзного значения: в Братске, Усть-Илиме, на Вилюйской ГЭС и у нас на Севере – в Уренгое, Сургуте, Таежном. Не знаю, за чей счет сооружаются эти поселки где-нибудь в Братске, но у нас они явно построены за счет средств, сэкономленных «вахтовым методом освоения тундры»: вместо жилых домов, школ и больниц где-нибудь в Яку-Туре и подобных ему рабочих поселках все самые дефицитные строительные материалы шли сюда, в этот «Лауреатник». Строительство вела специальная бригада архитекторов, которая проектировала каждый коттедж с учетом личных вкусов будущего хозяина. Одновременно два лагеря зеков прокладывали здесь улицы-террасы, сажали привезенные из тайги березы и сосны, возводили на берегу Полуи причал для яхт-клуба, закрытый плавательный бассейн, два теннисных корта и сооружали дачи-коттеджи с финскими банями, каминами и прочим западным комфортом. Затем, уже вселившись, хозяева поселка стали соревноваться в мебелировке

своих коттеджей: моющиеся финские обои с тиснением под кожу, шведская мебель, шкуры белых медведей и даже старинные ненецкие идола украсили интерьеры этих вилл.

Коттедж Розанова был именно таким: огромная шкура белого медведя покрывала паркетный пол гостиной, и в тон ей была светлая мебель, а возле камина – три низких табуреточки с ножками из белой моржовой кости, которые при ближайшем рассмотрении оказались просто стержнями моржовых членов. Наверно, в другое время по поводу этих ножек-членов кто-нибудь тотчас отпустил бы сальную шутку, но сейчас нам было не до юмора: из больницы привезли «Сопоставительное заключение судебно-медицинской экспертизы» по всем трем трупам.

– «Все три смерти, – читал нам вслух Шатунов, – наступили в результате точно нанесенного удара острым колюще-режущим предметом в область сердца. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех трех случаях глубина проникновения примерно одинаковая – от 14,5 см до 16 см, что должно свидетельствовать о нанесении ран одной и той же рукой... Характер порезов при удалении ушей и половых органов жертв идентичен. Это позволяет утверждать, что все увечья произведены одним и тем же острым предметом, скорей всего – ножом...»

Произведя сравнительный микроскопический анализ ран и порезов, а также изучив динамику причинения телесных повреждений, экспертиза приходит к выводу, что убийца обладает средней силой удара и действует правой рукой с характерным «почерком» – каждый порез произведен одним резким ударом снизу вверх, о чем свидетельствуют направленные вверх и обращенные наружу линии отреза ушей и половых органов потерпевших...»

– Татарский почерк! – прокомментировал Шатунов это место в заключении.

– И ненецкий, – не удержалась я. – Ненцы так мясо режут, я сама видела. Берут в рот один конец свежей оленьей печени и отсекают ножом снизу вверх.

– По-твоему выходит, что это ненцы убивают? – тут же запальчиво вмешался Худя Вэнокан, словно я оскорбила подозрением весь его ненецкий народ.

– Не ссорьтесь, – примирительно сказал Ковров. – Ни ненцы, ни духи не носят рукавицы с лагерьной биркой.

– Вот именно. – Шатунов продолжил читать медицинское заключение: – «...В связи с чрезвычайно быстрым замерзанием трупов из-за низкой температуры окружающей среды определить с помощью бактериологического анализа точное время смерти Воропаева и Хотько не представляется возможным. Что касается Розанова, то чрезмерный вес покойного (140 кг при росте 1 м 67 см) и толстый жировой покров в области брюшины частично задержали процесс замерзания тела. Медицинское вскрытие обнаружило в желудке и кишечнике незамерзшие остатки пищи, что дает основание определить момент нападения на Розанова за три – три с половиной часа до обнаружения трупа. Экспертиза обращает внимание на то, что на трупах Хотько и Розанова нет синяков и ссадин, в то время как при первом наружном осмотре тела Воропаева следователем А. Ковиной были зафиксированы ссадины и синяки в области правого плеча и запястий рук, что может свидетельствовать о борьбе Воропаева за жизнь. К сожалению, неправильная транспортировка тела Воропаева из Яку-Тура в Салехард привела к дополнительным травмам на теле и затруднила работу экспертизы по определению расположения и характера прижизненных травм...»

Шатунов зыркнул на меня своими белесыми глазами. Я пожалала плечами:

– Синяки на запястьях он не мог получить в гробу...

– Ладно, – сказал Шатунов и дочитал заключение: – «Вскрытие обнаружило в организме Воропаева высокое содержание спирта. В организме Хотько признаков спиртного не обнаружено. Подписи». Все. Кретины! – без перехода сказал Шатунов, отшвырнув заключение на кухонный стол. – Выходит, двое трезвых мужиков – Розанов и Хотько – спокойно дали отрезать себе члены и уши, а пьяный в дупель Воропаев все-таки сопротивлялся. Что это нам дает? Хер его знает... Так. Ковина, пока эти мудаки возятся с собаками, докладывай, что у тебя.

Он обвел глазами кухню и вопросительно глянул на Вэнокана и Коврова:

– Сесть тут можно? Вы стулья осмотрели?

– Обижаете, товарищ майор, – усмехнулся Ковров. – Даже коньяк из этой бутылки можете пить – все отпечатки пальцев с этой бутылки у меня уже на пленке.

Шатунов сел за кухонный стол, налил себе полстакана коньяка, выпил залпом, занюхал кулаком и глянул на меня вопросительно:

– Ну? Докладывай.

Я бы, конечно, тоже выпила, но он не додумался предложить, хотя я не меньше Шатунова проторчала на уличном морозе. Я сказала:

– Розанов попал в эту историю, как говорится, с корабля на бал. Он только сегодня приехал из отпуска, из правительственного санатория на Черном море. Жена и дочь остались в Москве, чтобы встретить Новый год в столице. А он спешил сюда на открытие газопровода и даже привез с собой целый чемодан коньяка и виски. Судя по штампам на этикетках – из спецбуфета Министерства газовой промышленности...

Но Шатунову не понравился мой «вольный тон», он перебил:

– Короче! Что по существу?

Я достала из папки протокол допроса розановского шофера, стала читать:

– Шофер Розанова показал: «В два часа я встретил товарища Розанова на железнодорожном вокзале в Лабытнангах. Пока мы ехали через замерзшую Обь с левого берега на правый, я рассказал товарищу Розанову о побеге зеков и двух убийствах. Товарищ Розанов хорошо знал Воропаева и Хотько и очень расстроился. Но по поводу „духов тундры“ только рассмеялся и махнул рукой. „Эдак тут духов не хватит нам яйца за б...во отрезать! – сказал мне товарищ Розанов. – И вообще, эти ненцы нам за так называемое б...во еще должны спасибо сказать: без русской спермы они бы вообще вымерли еще двести лет назад!..“

– Тоже верно... – усмехнулся Шатунов. – Ты видела, какие сейчас дети у ненецких баб? Выше меня ростом почти. И русые – прямо русаки! – Тут он спохватился, что стоящий рядом Худя Вэнокан – ненец, и сказал мне: – Кхм!.. Ты это, ты эти слова насчет б...ва убери из протокола.

Я кивнула и продолжила чтение протокола:

– «Приблизительно в 3 часа 15 минут мы с товарищем Розановым подъехали к его дому. Я выгрузил из багажника „Волги“ два его чемодана и понес их вслед за товарищем Розановым в коттедж. Дорожка от калитки до крыльца коттеджа была почищена, двор тоже...»

– Кто чистил двор и дорожку? – резко спросил Шатунов.

– Я проверила. Дорожку и двор в 11 утра почистил дворник. Он делает это каждое утро во всех коттеджах. Читать дальше?

– Читай.

– «Товарищ Розанов своим ключом открыл дверь коттеджа и вошел в него, а я внес за ним два чемодана. Товарищ Розанов разделся и повесил свою новую дубленку в прихожей на вешалку из оленьих рогов. В коттедже было холодно, нетоплено, поэтому товарищ Розанов надел свой старый овчинный тулуп и включил краны парового отопления. Я спросил у него, не нужно ли чего от меня и не нужна ли ему сегодня машина. Товарищ Розанов сказал, что устал с дороги, что сейчас пойдет затопит финскую баньку, попарится и ляжет спать. „Утром приезжай за мной в семь, как всегда“, – сказал мне товарищ Розанов, и я ушел. Ничего подозрительного в доме я не заметил. Когда я вышел к машине, улица была пуста. Свет в соседних коттеджах я видел, но вокруг было тихо». Подпись, дата, – сказала я и положила протокол в папку. – Теперь дальше, товарищ майор. Овчинный тулуп, о котором сказал шофер, исчез вместе с другой одеждой, которая была на Розанове, когда его убили. Вырисовывается следующая картина: отпустив шофера, Розанов откупорил вот эту бутылку с коньяком, выпил прямо из горлышка граммов 50–80 и пошел во двор затопить финскую баню. Баню затопил – она до сих пор не остыла – и снова вышел во двор, где его и встретил убийца – в семи метрах от бани.

Это между 3.30 и 4 часами дня, то есть в полной темноте. Я обошла соседние коттеджи, в которых, по словам шофера Розанова, горел в это время свет. Оба коттеджа соседей – и слева и справа – находятся от коттеджа Розанова в ста семидесяти метрах. Если бы Розанов громко кричал или звал на помощь, там бы услышали. Но в обоих домах мужчины были на работе, а женщины говорят, что не слышали. Теперь у меня вопрос: кричит ли мужчина, когда ему отрезают, извините, половой орган, или у него от боли и страха так пережимает голосовые связки, что он и звука выдохнуть не может?

– Не знаю, – хмуро сказал Шатунов. – Мне еще никто ничего не отрезал. Но если мы не найдем к утру этого татарина, я тебе завтра отвечу на твой вопрос. Между прочим, позвони в больницу этим экспертам. Они самое главное не сказали: что сначала – удар ножом в сердце, а потом отрезание ушей и члена или наоборот? – Он встал, выглянул в окно, крикнул Оруджеву и сержанту Теличкину: – Ну? Долго вы будете телиться со своими собаками?

Ни Оруджев, ни сержант Теличкин не ответили: оба пристально следили за движением последней собаки – кобеля по кличке Картер. Почему-то во всех отделениях милиции обязательно есть собаки, которые носят имена американских президентов или английских премьеров. Похоже, солдатам доставляет удовольствие повелевать американскими президентами или английскими лордами, командуя «Картер, искать!» или «Тэтчер, фас!», но на сей раз Картер выкинул с Оруджевым воистину антисоветскую, империалистическую шутку: мало того, что он, как и все другие собаки, ничего не нашел, он еще, подойдя к месту, где были обнаружены труп Розанова и рукавица Залоева, поднял вдруг заднюю лапу и демонстративно написал на место преступления.

В другое время мы бы, наверно, расхохотались этой собачьей выходке, но сейчас все промолчали, кроме, конечно, Шатунова.

– Твоя собака? – спросил он через окно Оруджева.

– Моя, – убитым голосом негромко выговорил Оруджев.

– На живодерню, на мыло! И тебя вместе с ней... Ладно, уберите собак, пусть теперь следователи ползают по двору. – И Шатунов повернулся к Худе Вэнокану и другим следователям: – Чтобы весь снег во дворе перекопали! С лупами!

Шум вертолета заглушил его слова. Мы посмотрели в темное небо. Прямо к коттеджу Розанова шел вертолет, освещая себе место посадки мощным прожектором. Но метрах в двадцати над коттеджем он завис в нерешительности, а потом свернул, отлетел в сторону улицы и сел на заснеженную мостовую. Из вертолета показалась маленькая фигура, и я узнала в ней своего уренгойского начальника – старика Зотова. Пригибаясь к земле, он отошел от вертолета, махнул пилоту, чтобы тот отчаливал, а спустя пару минут уже входил, шаркая валенками, в розановский коттедж.

– Вот, – сказал он, обращаясь к Шатунову, отряхивая снежную пыль с мехового полушубка. – Прилетел из Уренгоя на помощь. Чего тут у вас? Чайком напоите?

– Чаем тебя пускай Ковина поит! – сказал ему Шатунов. – Тоже мне, Пинкертон с неба! – И ушел во двор наблюдать за работой следователей, которые теперь, действительно вооружившись лупами, обшаривали вместо собак каждый дециметр розановского двора.

А я поставила на электроплитку чайник и, пока он грелся, коротко рассказала Зотову все, что знала. Слушая меня, Зотов снял валенок, расстегнул молнию на левой штанине меховых брюк и, как всегда, принялся растирать свое подагрическое колено самодельной вонючей мазью. Затем не спеша попил чаю, закурил трубку и пошел осматривать коттедж Розанова. Вышел во двор, потоптался у финской бани и снова вернулся в коттедж.

– Так, – сказал он мне, когда я, поговорив по телефону с больницей, выяснила у врачей, что они бессильны ответить на вопрос Шатунова: как происходили убийства – сначала удар ножом в сердце, а потом отрезание ушей и членов или наоборот. Врачи мямлили, что нужна экспертиза специалиста по голосовым связкам, чтобы по каким-то остаточным явлениям опре-

делить, кричали жертвы перед смертью или нет. Но такого специалиста в Салехарде нет, нужно вызывать его из областного центра – из Тюмени... – Так, – сказал мне Зотов, когда я положила трубку. – Ты привезла из Яку-Тура одежду Воропаева?

– С него же сняли всю одежду, похитили. Что я могла привезти?

– А другую его одежду, из его квартиры, ты привезла?

– Зачем?

– Привезла или нет?

– Нет, конечно.

– Вот и дура, – сказал Зотов и повернулся к вошедшему с улицы Шатунову: – Вы тут собак залоевской рукавицей мучаете, а нет чтобы сообразить мозгами сначала. Если убийца снял одежду с Воропаева и Хотько, он же не на рынок эту одежду отнес продавать. Он на себя надел, чтоб теплей было, верно? И в первую очередь – унты или валенки. Теперь рассуждай: сбежали трое, но убивал, как показывает экспертиза, один. Первая жертва – Воропаев. Ну, кто убивал, тому первому – вся одежда, верно? Значит, этот убийца пришел сюда в воропаевских унтах, так? А вы собакам чей запах подсовываете? По рукавице – Залоева. А залоевскими ботинками тут и не пахнет, он их давным-давно в тундре бросил...

У меня похолодело сердце – ведь действительно простая идея!

А я, идиотка, не привезла даже клочка воропаевской одежды, даже его носового платка! И сейчас мне не миновать шатуновского разноса. Вот уж как он смотрит на меня своими белесыми гэбэшными глазами!

– Но ты не дрейфь, Анна, – усмехнулся Зотов и полез за пазуху своего полушубка. – Зря я, что ли, летел сюда из Уренгоя? Я в Яку-Туре посадочку сделал, все равно почти по дороге было. И вот... – С этими словами Зотов вытащил из-за пазухи полушубка целлофановый пакет, открыл его и осторожно вытряхнул на стол несвежее мятое мужское нижнее белье: трусы, кальсоны и майку. – Все воропаевское и нестираное! – гордо сказал старик Зотов. – Потом так разит, что даже я чую. Но перед тем как опять собак мучить, надо второй такой комплект привезти, из квартиры Хотько. Потому как убийца, может быть, после убийства Хотько хотьковские унты надел, черт его знает!

Я подошла к Зотову и чмокнула его в щеку. Возьмут собаки след по воропаевским трусам или нет, но от позора старик Зотов меня в ту минуту спас.

16

Зотовская идея оказалась бесплодной. Оруджев и сержант Теличкин промучились с собаками еще три часа, давая им нюхать то нижнее белье Воропаева, то нижнее белье Хотько (дом Хотько был здесь же, в «Лауреатнике»), но собаки не унюхали никаких следов.

– Не по воздуху же ушел Залоев! – бесился к утру Шатунов. – Он ходил туда ногами, а не летел, черт возьми!

– Есть только одно объяснение, – сказал старик Зотов, сидя у камина и пыхтя своей прокуренной трубкой. – Это был не Залоев. А перчатка Залоева оставлена нарочно...

– Конечно! Это были духи тундры? – усмехнулся язвительно Шатунов. – Духи тундры отрезали Розанову уши и яйца и бросили во дворе перчатку Залоева!

– А если это был Залоев, то его поведение нелогично, – сказал Зотов. – Розанов был один в коттедже и один в бане. Любой убийца предпочел бы совершить нападение в закрытом помещении, чтобы все было тихо и никто ничего не видел. Тогда мы узнали бы об убийстве только в семь утра, когда шофер приехал бы за Розановым. Но вместо того чтобы все делать потихому, вместо того чтобы утащить из коттеджа хорошую дубленку и всякое другое барахло, он убивает Розанова на открытом дворе, забирает какой-то старый тулуп, а на месте преступления демонстративно оставляет перчатку. Совсем как на вызовах на дуэль.

– Меня и бесит, что он нас дразнит, сука! – сказал Шатунов. – Я только не понимаю – зачем?

– Хочет показать, что убивают не духи тундры, а он – Залоев, – сказал Худя Вэнокан. – А это нам поможет панику остановить...

– Но зачем?! – повторил Шатунов. – Зачем он сам на себя наводит?

Худя пожал плечами:

– Для славы, однако. Бывают психи. Хинкли, например. В президента Америки стрелял. Для славы, однако. Залоев, может быть, тоже такой. Не хочет нашим ненецким духам славу свою отдать, однако...

– «Однако, однако»! – передразнил Шатунов. – Однако этот побег с твоей легкой руки случился! Грамотный ты больно! Хинкли!

– Я-то, однако, как раз предупреждал начальника лагеря, что такой побег теоретически возможен. За три недели предупреждал, однако! – обиженно сказал Вэнокан.

– Теоретически! – проворчал Шатунов, поскольку крыть тут было нечем: действительно, простой следователь милиции, ненец к тому же, предупредил руководство лагеря № РС-549, то есть кадровых офицеров КГБ, о возможности использования для побега линии высоковольтной передачи, а те и в ус не подули.

– Есть один нюанс, – сказала я. – Мы не знаем, почему он убивает только начальников. Пока это выглядит как цепь случайных совпадений...

– Короче! – нервно сказал Шатунов. – Есть идея или только болтовня?

– Есть идея, – сказала я. – Сбежали трое. Чтобы выбраться из Салехарда, им нужно было три комплекта одежды и три комплекта документов. Один из беглых – бывший художник и поддельщик икон. Вывести из паспортов фамилии Воропаева, Хотько и Розанова и вписать какие-нибудь другие – для него пара пустяков. Теперь у них есть как раз три комплекта одежды и три комплекта документов. Значит, торчать им в Салехарде больше ни к чему. Даже если этот Залоев – просто псих, как Хинкли, или кровожадный маньяк, как Ионесян, двое других должны попытаться улизнуть из Салехарда с помощью поддельных паспортов. И делать это они будут сейчас, сегодня.

– Дельная мысль, – сказал Шатунов. – Но аэропорт и железная дорога и так закрыты, а на зимниках⁶

⁶ Зимник – временная зимняя дорога в тундре и тайге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.